

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Ольга ГРОМЫКО

ВЕРНЫЕ ВРАГИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Белорийский цикл

Ольга Громыко

Верные враги

«Автор»

2005

Громыко О. Н.

Верные враги / О. Н. Громыко — «Автор»,
2005 — (Белорийский цикл)

ISBN 978-5-9922-0027-0

Это – сказка, рассказанная зимней ночью. Веселое и грустное повествование о вражде и дружбе, магии и смекалке, благородстве и предательстве, любви и ненависти, между которыми один шаг по глубокому снегу. Это – кусочек белорусской истории, не попавший в летопись, но воспетый в легендах. А что в ней ложь и что правда – пусть останется на совести автора...

ISBN 978-5-9922-0027-0

© Громыко О. Н., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	37
Глава 4	49
Глава 5	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ольга Громыко

Верные враги

Автор сердечно благодарит педантичную Анну Полянскую, придирчивую Юлию Морозову, несравненную Ярославу Кузнецову, добросовестную Марину Гилёву и многострадальную Яну Бойченко, без чьего критиканского участия эта книга была бы иной или не была вообще.

Все претензии тоже к ним.

Глава 1

*Безжалостны истории страницы,
Писать на них – удел не слабаков.
За каждой строчкой – чьи-то судьбы, лица,
Рев пламени, лязг стали, стук подков.
Но время – добрый друг и враг заклятый —
Неумолимо увлечет их в тень,
И станет для потомков просто «датой»
Кому-то жизнь перевернувший день.
...И знали бы невольные герои,
Борясь, спасая, веря и любя,
Что, заполняя летописи кровью,
Ни капли не оставят для себя...*

Белорские хроники конца IX в., т. 7, раздел «Легенды и предания»

Автор неизвестен

– А колдуна-то нашего прибили вчера, – невесть с чего сказал корчмарь, поочередно вытирая небрежно сполоснутые в бадейке кружки. День выдался серый, тоскливый – поздняя осень, всё никак не уступающая зиме; не хотелось горожанам ни пивка, ни жареной картошечки – надо сказать, скверно жаренной, на прогорклom жиру, – да и вообще не хотелось выходить в этот то ли дождь, то ли туман, висящий над городом с прошлой недели. С полдюжины человек только за столиками и сидело.

– Хм? – Я вежливо приподняла левую бровь. Болтать с корчмарем меня не тянуло, слушать тоже, но в «Волчьей пасти» я считалась завсегдатаем, соответственно пользовалась скидками, а за это терпеливо изображала приличную клиентку. Хорошее название, из-за него в первый раз и зашла. Корчма как корчма, не хуже и не лучше других. Над камином распялена волчья шкура с головой и вычервленной пастью, у всех девок на передниках рунический знак оборотня, сзади тряпкой болтается пришитый хвост. И чесночок со стрелолистом по стенам развешан на всякий случай – мало ли, вдруг нежить примет всё за чистую монету и кинется в корчму. Забавно.

– Наши и прибили, – охотно подхватил корчмарь, – народу-то вчера поболее сидело, к вечеру распогодилось чуток, вроде как и солнышко выглянуло, ну, людишки к ужину и подтянулись. И Старый Хряк был, и Щот-рыжий, и милсдарь Жолард изволил чарку винесского спросить. Девки, само собой, крутились. Ну и колдун. Чего, спрашивается, приперся? Сел у окна и взглядом дурным ведет, ровно не лошадь его везла, а сам добрый час под седлом скакал. Сидит и сидит, ничего не просит. Девки бояться подходить, друг на дружку кивают. Делать нечего, пошел сам. «Чего подать-то?» – спрашиваю. – У нас тута забесплатно греться не

принято». Гляжу – и впрямь какой-то пришибленный, ровно не понимает. В упор таращится. Потом сморгнул и говорит: «Мяса шмат принеси, да прожарь хорошенько».

Видно, успел где-то наколдоваться, рассеянно подумала я. Магия отнимала много сил, а лучше всего их восстанавливала животная пища и подогретое красное вино. Вина он не спросил, значит, хотел сохранить ясную голову.

– Ну, услал я мальчишку в подвал окорок пластать – жаркое-то кончилось, всё раскупили, а сам пиво разливаю. Шесть кружек наполнил, на поднос смахнул и Кветке велел нести. Глупая девка, но пригожая, – пояснил корчмарь, – и спереди и сзади подержаться есть за что. Как пошла по залу, все уставились: кто на зад, кто на перед, кто на пиво. Колдун тоже глянул, а дурында эта поскользнулась на ровном месте да так на пол и загремела, двух шагов не донесла. Пиво на клиентов вывернула, косорукая. Аккурат Корьке-хромому на штаны новые, он их как раз обмывал. Вот те и обмыл, хе-хе... Корьку-то помните? Мужик такой здоровенный, на складах бочки катает? Ну, который в том году по пьяни в колодец упал? Морозы тогда страшные стояли, вода до донышка в камень замерзла. Другой бы вусмерть, а этот только ногу сломал. Еще песни срамные оттуда орал до утра, во хмелю и не болело-то.

– И?

А вот что в «Волчьей пасти» было действительно выше всяческих похвал, так это жареные семечки: пузатые, в меру присоленные высыпанные в широкую плоскую миску на стойке – бери, кто хочешь, сколько в горсть влезет. Или, воспользовавшись напавшей на корчмаря говорливостью, прямо оттуда лузгай, нахально выбирая самые крупные.

– Ну, стрельнуло ему в башку, будто это колдун ей ноги подшиб, сглазил. Нарочно. Встал, стул за ножку да как жახнет колдуну по темечку! Тот, знамо дело, руку вскинул – не долетел стул, в воздухе рассыпался, а Корьку аж до стены по полу прокатило и задницей в камин впечатало. А колдун еще больше сблелнул, покачнулся, сесть, видать, хотел – давай стул руками искать, будто незрячий. Только Корька не один был, с дружками, они за колдуна и взялись. Двое за руки держали, а остальные били по очереди. Долго били, он уж и не дергался, а они всё норовили покрепче приложить. Один даже не поленился, за оглоблей сбежал. Попереломали руки-ноги, раздели, шмотье и цацки поделили. Мне вон тоже дали, – корчмарь порылся в кармане передника, показал какую-то висюльку – то ли пластинка кремня, то ли черная блестящая кость.

Драконья чешуйка, поняла я, взяв амулет в руку.

– Не уступите?

– Да бери так, на кой она мне? – Как будто даже с облегчением разрешил мужик. Кому охота с Ковеном Магов связываться, если до него дело дойдет. Потом доказывай, что просто смотрел... да и за «просто» по головке не погладят. – А самого к оврагу сволокли, раскатали и вниз скинули. Там грязи теперь по колено, в овраге-то. Потоп, поди. Захлебнулся.

– Не всё равно, трупу?

– Когда за порог вытаскивали, дышал еще. Кровь в горле клочкотала.

«Баба с возу – волкам легче», – подумала я, пряча амулет. Колдунов, всесильных выскочек, никто не любил. Боялись, уважали, но если уж били, то всем скопом, чтобы наверняка.

Я пару раз видела его в корчме, а потом встречала и на улицах города. Высокий, черно-волосый, молодой еще мужчина. Довольно смуглый, но светлоглазый, с располагающим, слегка ироничным лицом. Как-то раз он пришел с учеником и снисходительно наблюдал, как тот впервые пробует крепкое здешнее пиво. Мне почему-то запомнились длинные чуткие пальцы с единственным, простеньким с виду кольцом, прямо из воздуха доставшие золотую монету для расплаты с корчмарем. Тот даже не поверил, надкусил – не морок ли.

Я отряхнула шелуху, расплатилась и решительно встала. И так уже засиделась, серь за окном начала сгущаться в ранние осенние потемки.

Что ж, прибили – туда ему и дорога.

Жила я за городскими стенами – трехсаженной каменной кладкой со сторожевыми башенками и высокими воротами, запирающимися на ночь. Хозяин частенько предлагал мне подыскать комнатуху в городе, но я отказывалась. Зачем? Тогда пришлось бы избавиться от коня и козы да еще платить за съём. Именно избавиться – один прихрамывал, вторая доилась вполовину меньше положенного и упорно не желала обзаводиться потомством. Кто ж их купит? Только живодер.

Да, в лесу волки, медведи, упыри. А в городе люди, и огнем их не отпугнешь. Те же колдуны. Я как раз проезжала мимо оврага и не удержалась: спешила, приторочила к седлу вещи и шлепнула мерина по вислomu крупу. Дымок, привычный, махнул хвостом и неспешно потрусил домой.

А я решила убедиться. Кто их, колдунов, знает. Может, сам слух о кончине и пустил, а ты потом жди удара в спину.

Опустить на колени.

Сосредоточиться.

Готово.

Подобравшись к самому краю, я заглянула в черный разлом оврага. Склон круто нырял вниз, спускаться по нему было небезопасно, а вот чуть левее топорщились кусты, за которые можно придержаться.

Корчмарь приврал, грязи на дне было не так уж много. Не человеку – собаке по колено.

Долго искать не пришлось. Он лежал прямо под обрывом на спине, нелепо раскинув изломанные конечности. Светлое пятно на черной земле, алая каемка.

Я злорадно оскалилась: он был жив. Пока. Садиться рядом в грязь, пачкать шубу ради пяти минут торжества... мелочного, глупого, но заманчивого? Я села. Ему на живот.

Человек охнул и раскрыл стекленеющие глаза. Медленно перевел на меня, мучительно попытался свести в одной точке. Узнал.

– Говорят, ты искал меня, колдун?

Он беззвучно шевельнул разбитыми губами. Из рта плеснула кровь, маслянисто обволокла подбородок. Запах мне понравился. Наклонившись, я провела языком вдоль его щеки, к глазам, собирая темные сгустки.

Колдун судорожно дернулся. Зря. Я никогда не начинала есть с головы. Так, примерялась.

– Ну и живучий же ты, – сглотив, со смесью восхищения и издевки протянула я. – Почти как я, хоть однажды и провалилась в постели несколько дней, заживляя рану от твоей стрелы. У гномов небось покупал? Эти умеют делать наконечники, без мясницкого ножа не вытащишь. Хорошо, шрамов на мне не остается, они, говорят, злопамятности способствуют. Надо сказать, странный у тебя способ завязывать знакомство с женщинами...

Он смотрел на меня не мигая. Ненависть во взгляде угасала вместе с жизнью. Небось боролся до последнего, пытался стянуть раны остатками колдовства. На что, интересно, потраченного? И долго-то как держался, видать, ждал, надеялся, что за ним кто-то придет. А теперь – всё. Пришли. Глаза потухли, кровавый ореол вокруг тела начал быстро разрастаться.

Тогда я схватила его зубами за плечо, привычно перекинула за спину и неторопливо потрусила по дну оврага, оставляя в грязи четкие отпечатки когтистых лап.

Избушка была маленькая, неказистая, перекошенная. Казалось, от падения ее уберегает только прислоненная к стене рогатина. Над разбитым крылечком изогнулась в поклоне старая узловатая яблоня, в будке с проломанной крышей иногда неслась единственная курица. Днем хохлатка бродила по полянке, благоразумно не выходя за редкий плетень. Лесное зверье глотало слюнки, но переступить мои метки не смело.

В нараспашку открытом сарае фыркнул, топнул конь, заблеяла коза. Паршивка, зря только я ее два раза к козлу тягала – так и не отяжелела, зато всё еще доилась. Меньше, чем летом, но на сметанку с творогом собрать удавалось. Все они здесь приبلудные – и безрогая

длинноглазая Майка, отданная в счет долга, на борщ, и дымчатый, немолодой уже меринок, кем-то выгнанный в лес за хромоту. Даже кошка, которая считается дикой, но никогда не опаздывает к дойке. И я сама, впрочем. На избушку я набрела случайно, долго присматривалась, кружила по округе, но за неделю хозяин так и не сказался. Не объявился и за три года моего самоуправления.

Назвать избу совсем уж нежилой было неверно – в печной трубе гнездилась сова, под крыльцом процветал топотливый ежиный выводок, чердак загадили летучие, а подпол – полевые мыши. Всех их я безжалостно вымела-выкурила, вставила окна, законопатила щели мхом, из утвари что подновила, что выбросила. Главное, печь была цела. Сначала я спала на ней, потом, купив перину с подушкой, перебралась на постель в единственной маленькой комнате. Изба, в шутку прозванная логовом, помаленьку обрела жилой вид. Не стыдно и гостей привести. Принести.

В протопленной с утра печи стояли два горшка с водой, сейчас они оченьгодились. Я свалила колдуна на ошпаренный кипятком стол, выставила на лавку темные склянки без подписей, раздрала на полоски новую льняную простыню и принялась за работу. По правде говоря, его легче было разделать, чем собрать (а опыт у меня был, и немалый, в обеих областях). После пятичасовой возни свободными от повязок остались только живот, голова, левое плечо и правая голень, пестревшие синяками. Оглобля поработала на славу, больше всего я намучилась с раздробленными костями, укладывая их в лубки. Колдун превратился в неряшливо, но крепко спеленатую куклу, такой же холодный и безжизненный.

Я перетащила его на широкую лавку у печи, в закуток, отгороженный занавеской. Вскипятила воды, настояла травок и принялась отпаивать тепленьким, по каплям вливая в приоткрытый рот. Больше всего мне не нравилось полное отсутствие сопротивления – как текущей в горло жидкости, так и смерти. Долго так продолжаться не могло, либо он согреется и нормально задышит, либо сдохнет. Я не решилась уснуть, осталась ждать перелома, взбадривая себя тем же снадобьем. Лично мне помогало.

Под утро колдун начал отходить, пришлось неотлучно сидеть рядом, ругать, тормозить, дышать в насильно разжатый рот, вместе с воздухом делаясь жизненной силой. Мы это можем, хоть и не слишком эффективно – большой расход при передаче. К обеду я вымоталась, как собака, а он всё никак не мог определиться с тем или этим светом. Во время очередного затишья я плюнула на всё и уснула, а может, потеряла сознание. Очнулась только глубокой ночью. Колдун тихо сопел, пригревшись между мной и печью. Я встала, тщательно подоткнула одеяло, не оставляя лазеек с трудом накопленному теплу. Долго стояла и смотрела, размышляя, но ничего путного так и не надумала. Только проголодалась.

Пора было идти на охоту.

По волменским меркам Выселок считался городком захолустным, хотя давал приют примерно тысяче жителей. Пограничье с Ясневым Градом не делало его привлекательнее, так что жили здесь в основном купцы, ремесленники и селяне, разбивавшие свои огородики прямо у городских стен. Знать и маги предпочитали более хлебную столицу, Вагеру.

Стоял в Выселке и небольшой воинский гарнизон, он же городская стража, ибо работать по основной специальности легионерам не доводилось уже лет двести, с момента подписания мирного договора с эльфами. Бёлория, расположенная за Ясневым Градом, вообще именовалась «братской державой» – то есть если и пакостила, то исподтишка и не признаваясь. К тому же проще пройти босиком по рву со змеями, чем пересечь эльфийско-дриадский лес без позволения его хозяев.

Возможно, некогда сюда и в самом деле выселяли неугодных королю людей, но сейчас это был самый обыкновенный, тихий и невзрачный городишко, где все друг с другом здороваются, но зачастую знают только в лицо. Что меня вполне устраивало.

На работу я добралась ближе к полудню, сонная, злая и поминутно зевающая. Хозяин, хоть и выспавшийся, пребывал не в лучшем настроении – влетело и за опоздание, и за вчерашний прогул. Я вспылила, демонстративно брякнула о пол глиняную ступку, в которой уже начала растирать брусничные листья, и потребовала расчет. Хозяин тут же пошел на попятный, окрестил прогул «выходным» и велел в следующий раз предупреждать заранее. Я нагло предупредила, развернулась и ушла. Ничего, переживет. Обзовет про себя стервой и упырицей, но вслух повторить не посмеет. Иначе вообще в отпуск уйду, первый за три года.

...Уже за дверью услышала, как хозяин, ворча себе под нос, достает из шкафа новую ступку. По моим прикидкам, их там еще на полгода столь же плодотворного сотрудничества хватит, потом снова придется оптом у гончара закупать...

Я вернулась вовремя – колдун открыл глаза. Больные, тусклые, но разумные. Пока он вяло осматривался, я нацедила в кружку супа, придерживая ложкой гущу. Села на край постели. Он не удивился и не испугался. Видно, считал, что хуже быть уже не может. Наивный. Разубеждать его я пока не стала. Поддержала кружку в ладонях, прикидывая, не слишком ли горячо. И услышала, как снаружи тихонько хрупнула ветка.

Я беззвучно поставила кружку на пол. Подкралась к окну, выглянула. Во дворе стоял, боязливо озираясь, парнишка лет тринадцати.

– Ученик твой явился, – с гадкой ухмылкой сообщила я. – Пожалуй, мне тоже стоит заняться его образованием. Ты не против?

Он был против, да еще как. Но взглядом я испепелялась плохо, а чего-нибудь подейственное у него не было.

Незванный гость выглядел неважно. Дранный полушубок, перевязанные веревочками опорки, синяк под глазом. Мы внимательно изучили друг друга, не торопясь с приветствиями и пожеланиями доброго вечера.

– Ты оборотень, – наконец то ли спросил, то ли обличил меня паренек.

– Ну и что?

Такого ответа он явно не ожидал.

– Ну и всё, – промямлил он, – конец тебе пришел...

Ох, давно я так не смеялась! Причем искренне.

– Маловат ты для моего конца, щенок. Даже на начало не тянешь. Как догадался-то? – мирно спросила я, и он растерялся еще больше. Запинаясь, послушно ответил:

– Мой мастер давно тебя отслеживает, всё узнал: и где живешь, и что Шеленой зовут, только прикончить осталось.

Зря он это. Никогда не разговаривай с тем, кого собираешься убить. Особенно если боишься его до колик в желудке. Враг становится еще сильнее, а ты слабеешь. Вон ноги уже дрожат, подгибаются.

– Выходит, вовремя мужички его порешили, – равнодушно заметила я, – тебе-то чего надо?

Он зажмурился и на одном дыхании выпалил:

– Мстить пришел.

– О! Это серьезно, уважаю, – восхитилась я. – А почему именно мне? Мужичков с оглоблями боимся? Могут не понять юмора?

– До них тоже доберусь, – срывающимся голосом пообещал он. – Вот тебя уделаю, сокровища награбленные заберу, подучусь малость, а там и их черед придет!

Я разочарованно присвистнула:

– Экий ты у нас корыстный, я-то думала – и правда мститель. На человека побоялся руку поднять, а на меня, выходит, можно. Особенно ради денежек.

– Ради мастера! – отчаянно выкрикнул он. – Ты его сожрала, погань! Я следы в овраге видел! Он живой еще был, оборотни мертвечины не жрут!

– А если и сожрала, – задумчиво прикинула я, – какая разница? Он бы всё равно к утру околел; ты же к нему на помощь не торопишься. Так что скажи спасибо и проваливай!

Он всхлипнул и вытащил меч. У меня отвисла челюсть. Не знаю, как убивать, но отпиливать им трофейную голову пришлось бы долго. Такого неуважения к противнику я еще не видывала. Идти в дом за своим клинком было лень, да и смешно. Я осталась стоять, руки в боки, мерзко подхихкивая.

Заорав для храбрости, паренек бросился вперед. Он еще и рубиться не умел, простой меч двумя руками за рукоять держал. Пару ударов я пропустила, уворачиваясь с восхищенным аханьем, а затем по-простому изловила меч за середину и пнула дурня в живот. Второй удар пришелся в опущенное лицо, на сапоге осталась кровь.

– Проваливай, щенок, – негромко сказала я, выждав, пока он отскулит и высморкается. Бросила меч ему под ноги. – Придешь, когда подучишься. Хотя бы правильно оценивать врага.

Не сводя с меня ненавидящего взгляда, он медленно наклонился, подобрал меч и побрел прочь. В ножны не вложил, острый кончик царапал землю. Худенькие плечи вздрагивали, пацан явно сдерживал рыдания. Дурак.

Я выждала, пока он скроется из виду, покачала головой и вернулась в дом. Вытерла сапог подвернувшейся тряпкой, бросила в угол, к прочему мусору. Вечером смету и вынесу.

– Что ты с ним сделала? – впервые подал голос колдун. Вернее, хрип, еле слышный и неразборчивый.

– Преподала урок, – устало сказала я, присаживаясь на стул и поднимая с пола кружку. – Пей давай.

Он сжал зубы и попытался отвернуть голову, но даже это ему не удалось, сдержала вмятина в подушке. У меня вырвался истерический смешок. Запоздало догадалась: не верит. Думает, прибила его горе-ученичка, отволокла в кладовую и теперь буду варить из него супчики.

– Когда он придет в следующий раз – а он придет, хвост даю на отсечение, – вкрадчиво сказала я, – у меня может и не быть такого хорошего настроения. Так что тебе лучше меня не сердить.

Он с трудом шевельнул губами:

– Что тебе от меня надо?

– Выпей – скажу.

Колдун не ответил, но и не противился, когда я приподняла ему голову и начала потихоньку вливать сытный отвар.

– Вот и молодец, вот и умница, – с легкой издевкой приговаривала я, пока чашка не опустела, – а теперь спи давай.

Он попытался что-то сказать, светлые глаза возмущенно расширились, потом угасли и медленно закрылись. Да, обманула, подмешала сонного зелья. Будет еще время поговорить. И самой понять, на кой он мне сдался – смертельный враг, охотник за нежитью, до сих пор не утруждавший себя беседами с оборотнями.

По городу поползли странные слухи. Якобы в небе над вересковыми пустошами видели дракона. Здоровенного, черного с прожелтью. Шумно хлопая крыльями, он проскользнул среди облаков, потом вынырнул из них, покружил, словно разыскивая кого-то, разочарованно взревел, плюнул огнем и улетел обратно.

Кое-кто шепотом добавлял: зря, мол, колдуна прибили, он бы живо ящера за хвост ухватил да из шкуры вытряхнул. Вот пушай те, кому он помешал, его и заменяют – логово ищут, башку гаду откручивают, а уж на бесхозные сокровища всегда охотники с подводами найдутся. Увы, здоровый дракон воодушевлял мастеров оглобли куда меньше больного колдуна, они отсиживались по домам, надеясь, что купцы-очевидцы приняли за дракона ворону. Огнедышащую, о чем красноречиво свидетельствовал выжженный круг в центре пустоши.

Я дракона не видела, над логовом он не летал, а колдун был совсем плох. В себя он приходил далеко не каждый день, и даже в эти редкие часы от него было мало толку: разговаривать со мной он не желал или просто не мог, устало закрывая глаза, когда я подсаживалась к его постели с ушатом теплой воды и горстью ветоши. Порой стонал, если думал, что я не слышу. Нужные травки у меня были, но пользоваться ими приходилось с крайней осторожностью, он и так был слишком слабый, апатичный. Боль, по крайней мере, не давала ему впасть в предсмертное забытие.

Днем меня не было дома, большую часть ночи – тоже, и, возвращаясь, я с порога прислушивалась: дышит ли. Дышал. Иногда слабо и редко, иногда метался в жару, жадно хватая ртом воздух.

Как я и предполагала, через недельку ученик набрался духу и заявился снова. Еще более оборванный и жалкий, с арбалетом и одной-единственной стрелой. Естественно, промазал, а я не отказала себе в удовольствии оставить на его задку четкий отпечаток подошвы. И арбалет отобрала. Хороший, отлаженный. Вот бы топор в следующий раз принес, размечталась я, мой-то вконец иззубрился.

А арбалет повесила на стену и стрел для него прикупила. Мало ли что. Мало ли кто.

Дни проходили за днями, выпал первый снег, второй, третий... пятый остался лежать, укутав землю пушистым одеялом толщиной в локоть. Замерзли реки, по ночам в лесу трещали обледеневшие деревья, печку приходилось топить по два раза на дню, утром и вечером. Мои вылазки стали короче и всё реже приносили успех. Зверски коченели лапы, если за пару часов не удавалось никого поймать, я сдавалась и бежала домой, стуча зубами. Перекидывалась у сарая, за поленницей, потом босиком по снегу. Лапами засов не отодвинешь, да и мало ли кто завернет в гости: голая девка, выскочившая из бани – это одно, а корежащийся на крыльце оборотень – совсем другое.

Может, другим девкам и доставляет удовольствие прямиком из парной голышом ухнуть в прорубь, еще и поплескаться с радостным визгом, но меня подобные развлечения никогда не приводили в восторг. Хоть бы поскорей добежать, окунуться в избяное тепло, одеться и нырнуть под одеяло, досыпать, если до рассвета еще далеко и суетиться по хозяйству рано...

Сегодня мне повезло – в пасти, а теперь в руках тряпично моталась заячья тушка. В логове чуть слышно вздохнул, нетерпеливо шевельнулся спеленатый колдун. Он узнавал о моем возвращении задолго до скрипа щеколды, каким-то непостижимым чутьем. Услышать не мог, это точно. Не много радости в приходе врага, но после трех недель неподвижности, в тишине и полумраке тесного закутка, начинаешь ценить и такую малость. Заживающие раны зудели, он хотел есть и пить, а еще – чтобы его вымыли, перетряхнули слежавшуюся постель, подставили посудину. Хотел – но никогда не просил. А потом молча смотрел, как я суечусь на кухне, нарочно раздвинув занавески. Истосковался по свету, живым звукам, хоть какой-то зацепке для взгляда.

Порой я приходила в крови, споласкивалась над бадьей, с наслаждением глотая стекающую по лицу воду. Он всякий раз напряженно подавался вперед, потом успокаивался. Интересно, как отличал? По запаху, что ли? На людей я не охотилась. Сейчас, по крайней мере.

Он знал, что я его жалею. Не понимал, явно ожидая какого-то подвоха, но и не изображал воплощение ненависти, бесстрастно пропуская мимо ушей все насмешки. Я в общем-то и не собиралась его унижать, просто не могла удержаться от колкостей. Но всё реже и реже. Колдун вызывал невольное уважение – искалеченный, совершенно беспомощный, но несломленный. Притворяться он тоже не считал нужным. Я частенько задумывалась: а что он будет делать, когда поправится? Вызовет меня на честный бой или молча уйдет, отложив поединок до первого найденного в лесу трупа? В любом случае в спину не ударит.

Но его проклятый ученик меня достал! Самой удачной его находкой был толченый перец. Мешок извел, не меньше, сыпучей стружкой очертив кольцо вокруг логова. Я, конечно, ничего

не имела против перца в супе, горошком, но толченая дрянь напрочь отбила у меня нюх на несколько дней, пока ветер не разогнал ее по лесу. До этого назойливый щенок пытался читать под окнами заклинания, нараспев, жалостливо так, я аж заслушалась, но эффекта так и не дождалась. Капкан медвежий под самое крыльцо приволок, неумело замаскировав снегом. Мне он не мешал, но пришлось разрядить из-за бродившей по двору живности. И кто ему сказал, что оборотни боятся дохлых ворон?! Штук пять по плетню развесил, смердели жутко. Еще ужаснее ругалась я, на рогатине относя их в лес и предавая земле. В смысле снегу.

Сегодня вон порог водой облил. То ли просто из вредности, то ли и впрямь освятил в храме ведерко-другое.

Позавтракав, я оседлала коня и поехала в город, на работу. Смирный, залохматившийся к зиме Дымок в охотку трусил по лесным тропинкам, по-драконьи выпуская из ноздрей белые струйки пара. В городе меня хорошо знали. Встречные селяне раскланивались, снимали шапки, стражники у ворот перебрасывались скабресными шуточками. Очень их интересовало, когда же я найду себе если не мужа, то хотя бы мужика. Дескать, негоже бабе одной в лесу прозябать. Я отшучивалась, но составить мне компанию не предлагала. Да они особо и не настаивали, таких девушек в городе – пруд пруди. Впрочем, я годилась не только на то, чтобы в оном пруду квакать, – среднего роста, стройная, синеглазая... не Кветка, конечно, но какие-никакие перед и зад тоже имеются. Русые волосы днем заплетены в косу, челка подстрижена до бровей, чтобы не лезла в глаза ночью. На таких обаятельных серых мышках охотно женятся и так же, не задумываясь, изменяют им при первом удобном случае.

Вот только мало кто знает, что серыми бывают не только мышки.

Работала я, смешно сказать, помощником знахаря. Летом собирала и сушила травы, зимой готовила снадобья. Смешно потому что толстяк-знахарь раздувался от гордости за рецепты своих «эликсиров», частью полученные в наследство, частью купленные за большие деньги у королевских лекарей. А что больные от тех снадобий порой помирали – так у конкурентов и того хуже. Я пару раз предлагала внести кой-какие изменения, но хозяин либо смеялся, либо грубо советовал не лезть не в свое дело. Откуда ему было знать, что оборотень по запаху травы может сказать, от чего она помогает и с чем лучше всего сочетается? Зато клиенты живо подметили, что золотая монетка, сунутая проворной девке, существенно повышает шансы на исцеление. Хозяин пару раз ловил меня на мздоимстве и пытался закатить скандал, но я с ледяным лицом напоминала, сколько он мне платит, и предлагала нанять другую дурочку за те же деньги.

День выдался суматошный, вместе с холодами по городу расползлись болезни, пришлось объехать несколько десятков человек, развозя заказанные снадобья. Конь устал и по дороге домой начал прихрамывать – сначала чуть-чуть, потом ощутимо припадая на левую заднюю ногу. Последнюю версту я шла пешком, нахохлившись и засунув озябшие руки в карманы, а Дымок покорно ковылял следом, стараясь не угодить копытом в петлю свисающих до земли поводьев. Валил мелкий, но частый снежок, слепя глаза и забиваясь под воротник.

Во дворе меня терпеливо поджидал непутевый мститель, сгорбившись на лавочке у плетня. Сверху, на одном из кольев, сидела курица, заснеженная и недовольная. При виде меня она радостно кудахтнула и порхнула парню на голову, сбив шапку, а оттуда на землю. Побежала навстречу, звучно хлопая крыльями.

– Измором решил взять? – поинтересовалась я, легко перемахивая калитку и открывая ее изнутри для Дымка.

Парнишка неуклюже поднялся. Закоченел, щеки отморозил, ишь, побелели. Чего, спрашивается, ждал? Другой бы давно окно выдавил, дом обшарил, выгреб что поценнее и дал деру. А этот честный и благородный, дракона на него нет. Драконы, они благородных любят. Из лат выгрызать не надо, и отравленные кинжалы потом в животе не бурчат.

– Заклинание новое выучил? Молодец. Так, глядишь, сам матерым колдуном заделаешься. Подождешь, пока коня расседлаю?

Он неуверенно кивнул.

– Иди в дом, согрейся. А то язык заплетаться будет.

Я бросила ему ключ. Паренек неловко взмахнул руками, но не поймал, подобрал из сугроба.

Я особенно не торопилась, распрягая Дымка и пучком соломы обтирая подтаявший снег с широкого хребта. Пусть наговорятся. Тем интереснее. Рассыпала по полу горсть зерна из ларя, курица жадно застучала клювом. Покрошила два сахарных бурака в общее корытце, коза так и лезла под нож, норовя выхватить кусочек из рук (ну какая тебе, поганке, разница?!), конь подбирал упавшие.

Пришла кошка, подумала, изогнула спину и небрежно мазнула боком по сапогу. Мявкнула и, развернувшись, прошла еще раз. Все мы ласковые, когда голодные. Навязались на мою голову. Плевать, что не люблю, лишь бы кормила...

Я сняла с полки горшок с выщербленным краем, быстро подоила козу. Пену с волосками сдула в кошачью миску, где та быстро осела в синеватое молоко. Заправила ясли охапкой сена и закрыла сарай снаружи. Кошка, если захочет, вылезет через отдушину под крышей.

В логово я шла, как в ярмарочный балаган, предвкушая веселое представление. Так и есть. Ученичок сиял не хуже начищенной сковородки, стоя на коленях у постели. Я его быстро закоптила, усевшись на стуле возле окна, лицом к сладкой парочке.

– Ну? Будем декламировать или уйдем по-хорошему? – парень сжался в комок, волчком зыркнул из-под длинных сальных патл.

– Отпусти его. А не то...

Я паскудно улыбнулась, развела руками:

– Уговорил. Забирай!

Парень встрепенулся и тут же повесил голову. Как болтали в корчме, он не смог защитить дом от толпы «наследников», прослышавших о кончине хозяина. Мало-мальски ценные вещи вынесли, всё непонятное и подозрительное сожгли. Вместе с домом. А самого отлупили, чтобы неповадно было старшим дорогу заступать. И куда он этого недобитка заберет? На пепелище или в лес, во времянку-шалашик? Я подозревала, что он ночует где-то неподалеку, изредка выбираясь в город за едой. Воруется наверняка.

Оборванец переводил взгляд с меня на колдуна, губы жалко дрожали.

– Я тут останусь, – глухо сказал он, решившись, – и в обиду его не дам.

– Здравствуй, останется он! – хмыкнула я. – Да кто ж тебе позволит? Это мой дом, между прочим, частные владения. Хочешь – иди градоправителю жалуйся. Мол, моего хозяина оборотень похитил и надругался.

– Надругался?! – У него округлились глаза.

– А ты думал, я тут такая добренькая-бескорыстная, во спасение души колдунов по оврагам собираю? Должна же я что-то с этого иметь, верно? Крови там живой хлебнуть, если охота не удалась или сушняк поутру замучил, печеночкой теплой закусить, ну и просто так суставы повыкручивать ради удовольствия.

На дальнейшие «надругательства» у меня не хватило воображения, но парнишка и так был близок к обмороку.

– Она шутит, Рест, – не выдержав, чуть слышно прошептал колдун, – не волнуйся за меня. Уходи.

Совсем не глупый совет. Дураки таких не слушают. Топчутся на месте, шмыгают носом, надеясь, что всё уладится само собой: меня удар хватит, мастер чудом исцелится, охотничий рог под окошком запоет.

– Попробуй по-другому, – участливо предложила я, закидывая ногу за ногу, – поплачь, поклянчи, пообещай хорошо себя вести, убирать, готовить, выносить ночные горшки и прочищать трубу. Может, я и смилостивлюсь. А может, просто получу удовольствие от спектакля.

Паренек облизнул пересохшие, обветренные губы. С трудом, переступая гордость, выдавил:

– П-п-пожалуйста...

– На колени встанешь? – деловито поинтересовалась я. – Пол, правда, грязноватый, но твои штаны не чище.

Он гневно вспыхнул, открыл было рот... потом перевел глаза на неподвижного учителя, потупился и медленно согнул одну ногу, вторую...

– Придурок, – констатировала я, отворачиваясь. – Видно, других в колдуны не берут. Чтoб из кухни ни ногой. Если в мою комнату зайдешь или по чердаку будешь шастать, прибью на месте. В подвале бочонок с груздями расковыряешь или сливочки с кринок поснимаешь, самого замариную. Ясно?

– Больно надо, – он шмыгнул носом, подтер рукавом, – я даже из-за печи выходить не буду, тут прямо и лягу.

Я с наигранным удивлением подняла брови:

– Вы мужеложцы, что ли?

Парень сначала не понял, потом медленно залился краской. Весь, от лба до ворота.

Махнув рукой, я ушла в комнату переодеваться. Потом приготовила ужин, поела сама и громко зачитала пареньку его права и обязанности, не балуя первыми. За занавеской безмолвствовали. Но стоило мне удалиться на покой, как в кухне завопились, загремели посудой, а потом и зашептались. То есть колдун говорил нормально, как мог, а парень старательно понижал голос, делая тайну из обычного в общем-то разговора:

– Не верю я ей, мастер. Оборотниха она оборотниха и есть. С чего бы это ей вас выхаживать-выпаивать? Небось голые кости не жрет, ждет, пока мясом обростут.

– Тут она просчиталась. Месяц назад такой роскошный гуляш был, а теперь разве что на холодец.

– И как вы шутить-то можете? Весь поломанный, нутро отбито, оборотниха эта зубы скалит. Измывается, поди, над вами, хоть и не признается. Вон супом велела накормить. А в нем мясо кусками. Темное, не птичье.

– Оленина. Попробуй.

– И травка какая-то сверху плавает, – бубнил, не унимаясь, паренек, – приворотная небось. Наглотаетесь, а потом своих не узнаете и будете вместе с ней по лесу бегать, хвостом мухоморы сшибать.

По голосам я легко угадывала выражения лиц: одно испуганно-заговорщицкое, второе с трудом удерживалось от смеха.

– Это петрушка.

– Ну да, петрушка. Зимой! Свежая!

– С подоконника. У тебя в деревне так не делали? Перед заморозками выкапывают корень и сажают в горшок.

– Может, пристукнуть ее, пока спит, а? – шепоток перешел в драматический. – Только чем? Ваш-то меч, наговорной, Свенька-стражник уволок, он давно на него зарился. Пришел якобы толпу разгонять, а сам под шумок меч упер. И звезды серебряные. Переплавит или продаст, сам-то кидать не умеет. А простым мечом ее не порешить, давеча голой рукой лезвие остановила.

– Не валяй дурака. Тебе против нее не выстоять. – Парень заерзал на стуле, брякнула ложка.

– А если травануть чем?

– Не выйдет. Природные яды она переварит, а алхимические отрыгнет. Ты-то сам когда в последний раз ел? Вчера? Оно и видно. Ешь, я не хочу.

– И сам не буду, и вам не советую. Лучше я на рынке хлебца свистну, колбасы какой, небось и без ее варева с голоду не помрем. Вот уж где противная баба, не зубами, так языком грызет! Не приведи боги, узнает, о чем мы тут говорим, меня, как пить дать, выкинет. И вас чуть погода сожрет.

– Она и так знает. У оборотней невероятно тонкий слух. Верно, Шелена?

– Обоих сожру, если заснуть не дадите, – негромко сказала я.

Ученик испуганно охнул, и всё затихло. Но заснуть не получилось. Через пять минут он приоткрыл дверь в комнату и смущенно кашлянул:

– Госпожа Шелена...

– Ага, уже госпожа. Ну, чего тебе?

– Белье бы мастеру перестелить...

– Он что, отсырел? Нарочно, что ли?! Уже две недели никаких проблем не было!

– Я... того... повернулся неловко, миску опрокинул...

– Убью.

Парень сдавленно пискнул и исчез. Пришлось вставать, менять испачканное белье, снова лезть в печь за горшком. Покормила сама, мысленно ругая притаившегося в уголке щенка. Ну и проваливал бы, если так боишься. Не логово, а храмовый приют для сирых и убогих. Лучше бы я бордель открыла, там хоть прибыль какая.

– Не трогай его, – словно читая мои мысли, прошелестел колдун. – Я... расплачусь.

Я присела на край кровати и, растопыренными ладонями припечатав одеяло по обе стороны чуть заметно вздрогнувшего тела, по-звериному нависла над человеком, пристально изучая его лицо с расстояния полусогнутых рук.

– Тебя как зовут-то, купец?

– Не говорите ей, мастер! – шепнуло из угла. – Душу высосет!

Еще одно дурацкое суеверие. По имени можно найти. Сплести на него заклятие, навести порчу. Но душу? Пфе... Да и на кой она оборотню.

– Верес.

Похоже, прокрутил в голове то же самое. Или на редкость правдиво солгал.

– И что, по твоему мнению, может меня заинтересовать?

– Дракон.

Хм. И впрямь заинтересовал.

– Такая здоровенная крылатая ящерица, падкая на принцесс? – скептически уточнила я.

– Ты знаешь, о чем я. – Светлые глаза, хоть и слегка расширенные от волнения, смотрели твердо.

– Тогда у тебя не останется шансов. Если не передумаешь, конечно.

– А я и не собираюсь подносить его тебе на блюдечке. Не передумаю.

– Договорились, – равнодушно сказала я, отстраняясь и вставая. Что ж, по крайней мере, у нас появился повод терпеть взаимное присутствие. И не чувствовать себя такими идиотами.

Я выудила из берестяного короба с крышкой обтрепанный стебелек, принялась и безгласно бросила обратно. Чемерица зубчатая, «волкогон». Считается безотказным средством от оборотней и вурдалаков, но, к смертельному разочарованию на него понадеявшихся, таковым не является.

– Ну что еще? – досадливо буркнул знахарь. – Всеобщим же языком написано: «Три щепоти сей травы сушеной, пестом дубовым в пыль растертой»!

– Это не трава.

– А что?

– Сено.

Собирать чемерицу надо на рассвете, как только сойдет роса, во вторую фазу луны, обрывая лишь молодые побеги и подвяливая их в тени. А не, вкривь и вкось пройдясь по полянке с косой, вернуться на нее с корзиной после трех дней солнцепека.

– Шелена, – медовым, но совершенно неаппетитным голосом протянул хозяин, – я плачу тебе за составление зелий, а не за дурацкие препирательства с куда более умными, чем ты, людьми.

Я саркастически искривила губы, но снова начала ковыряться в коробе. Конечно, нет никакой гарантии, что, когда вы покупаете травы у профессионального сборщика по цене три золотых за пучок, вам не подsunут какую-нибудь ерунду. Но если в целях экономии приобрести за три медяка у грязной рыночной торговки лохматый веник, явственно разящий мышами, то только подметать пол он и сгодится.

Парочку листиков мне всё-таки удалось выбрать. И припрятать в отдельной скляночке, на случай, если понадобится действительно жизненно важное снадобье, а не припарка от чирьев, которые, несмотря на все ухищрения знахаря, и сами рано или поздно сойдут. В подsunутую же хозяином ступку я с непроницаемым лицом покрошила самую сомнительную и даже чуток плесневелую ветку. Делать мне нечего – до хрипоты с дураками спорить... умный бы с первого раза прислушался.

Хозяин еще немного поворчал, походил по лавке, невесть зачем переставив с места на место несколько горшочков и флаконов. Рукавом смахнул пыль с чучела василиска и, поплевав на палец, старательно протер алые стекляшки глаз. По мне, пыльный василиск выглядел куда лучше василиска облезлого, но хозяин остался доволен и, решив, что сегодня уже потрудился на славу, отправился в ближайшую корчму вознаградить себя кружечкой пива.

Я, воспользовавшись случаем, тут же вытряхнула из мешочка принесенные с собой травы и занялась «левым» заказом – естественно, безо всяких рецептиков, полагаясь только на чутье. По дороге домой заверну к кузнецу, вчера жаловавшемуся на боль в правом боку, и отдам ему свежую настойку, а он взамен бесплатно подкует Дымка.

Стук и звяканье не намного опередили раскатистый чих. Можно было и не вешать над дверью колокольчик – заполонявший лавку травяной дух не оставлял равнодушным ни один нос. Особенно этот, словно созданный для вынюхивания.

В лавку, шурша напыленными поверх валенок лапотками, просочилась бабка Шалиска. Я незаметно поморщилась. «Войти» или «заскочить» эта карга не могла по определению, только прошмыгнуть или просочиться, как змея в щелку. Человеческое селение без подобных старух – что банка варенья без плесени. Их вездесущие глаза, всеслышащие уши и болтливый язык не дадут вам незаметно гульнуть с чужой женой, закрутить залом¹ на соседском поле и уж тем более побегать по округе на четырех лапах. Впрочем, надо признать, действуют эти бабки совершенно бескорыстно. Лучшей наградой для них будет полюбоваться из-за заборчика на результаты своих трудов – семейный скандал, драку между соседками или костер высотой с избу.

Из-за таких вот Шалисок и приходится жить на отшибе за городом. В селении от них даже в подвале под одеялом не спрячешься.

– Здравствуй, деточка! Давненько я у вас тут не была, хвала богам, да вот опять, чтоб ее лихо, хворь поясничная приключилась, ей-ей, ни сесть, ни встать, и куда ж мне, бедной, деваться... – фальшиво-слащавым голосом зачастила бабка, попутно обшаривая меня профес-

---

¹ Связать пучком несколько колосьев, что якобы наведет порчу на всё поле. Распространенное и совершенно безосновательное суеверие, т. к. поставить или убрать действенный залом может только квалифицированный маг (рекомендуемый гонорар за второе – пять золотых, штраф (...выходит, надо просить не меньше двадцати... (пометка на полях), за первое – пятнадцать). См. К. Лабская. *Краткий справочник мага-практика*.

сиональным взглядом. Ничего компрометирующего вроде синяка или новых сережек не обнаружила и заметно расстроилась, так что я улыбнулась ей куда искреннее.

Интересовала бабку мазь от прострела (меньше надо подглядывать в замочные скважины, по улицам она носилась как молоденькая!), и я, открыв шкафчик с готовыми снадобьями, мстительно выбрала самую сомнительную баночку. За это время пронырливая Шалиска успела сунуть нос на две полки, в сундук с травами и даже заглянуть под лежанку для осмотра больных. Вряд ли она на самом деле рассчитывала обнаружить там мужчину и наконец-то осчастливить местных кумушек байками о моей личной жизни в рабочее время, но инстинкты матерой сплетницы были неистребимы.

Когда я обернулась (звериный слух ничем не хуже глаз на затылке), бабка уже снова сидела на лавочке, чинно сложив сухонькие руки на обтянутых юбкой и передником коленях. Болтать она, кстати, не прекращала ни на секунду, надеясь, что я потеряю бдительность и тоже ей что-нибудь расскажу.

— ... а нелюдей энтих в городе нонче куда ни плюнь, понабежали из своих гор, чисто клопы с тараканами, скоро и вовсе людей выживут, охти, горюшко-о-о... — С завываниями покачавшись из стороны в сторону, бабка внезапно остановилась и совершенно нормальным, деловитым голосом спросила: — А знаешь, что они сами говорят?

В этом вся Шалиска. Вызвать на откровенность, участливо поойкать и покивать, а за спиной наговорить гадостей. Кстати, гномов и троллей в Выселке с каждым днем и в самом деле становилось всё больше, но вели они себя очень скромно, селясь по родичам и не гнушаясь никакой работой.

— Нет, — покорно сказала я, прекрасно зная, что положительный ответ Шалиска всё равно в расчет не примет, полагая, что ее версия самая точная и правдивая.

— Будто бы завялося в ихних краях эдакое ма-а-ахонькое страховидло с горбиком, и как увидит гнома — вцепится аки пиявка, кряхтит да охает и нипочем не отстанет, покуда всю кровь не испортит! А в нашем городе, дескать, энтая... их... их... иххолохическая ниша уже занята, вот оно сюда носа и не кажет!

Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Похоже, гном бабке подвернулся пронизательный и с чувством юмора. Представляю, с каким серьезным видом он втолковывал ей эту чушь.

— Как будто ельфиф нам по соседству мало, — продолжала бубнить старая кочерыжка. — Шастают по улицам, как по своему лесу, даже тетиву с луков не сымают... скоро орки прям на конях посередь города скакать будут, а там и вомперы налетят, чесноку им в глаз...

Отделаться от Шалиски можно было только одним способом (вообще-то двумя, но куда потом девать труп?!).

— А вы не знаете, — как бы между прочим поинтересовалась я, — что там с утра за драка возле ратуши была?

Кто его знает, может, и была. Место оживленное, раз в день хоть собаки да сцепятся. Бабка Шалиска заглотнула наживку, как дракон девственницу.

— Ну, пойду я, пожалуй, деточка, — засуетилась она, пряча баночку и с кряхтением извлекающая из кошелька самую потертую монету. — А то сама знаешь — дома не прибрано, корова не доена, свиньи не кормлены, кто ж, кроме меня, позаботится...

Лапоточки назло всем прострелам (разве что из арбалета попробовать?) бодро засеменили к двери. Я аккуратно пересыпала содержимое ступки в маленький холщовый мешочек и выглянула в окно. Бедная корова, несчастные свинки...

За порогом меня встретила мокрая тряпка, тщательно расстеленная по полу. Пожав плечами, я вытерла ноги. Вряд ли маленький паршивец успел выкопать под ней ловчую яму.

Кухня пугала чистотой. Все чашки-миски, даже треснутые, рядком выстроились на посудной полке, перемытые до блеска. Отскобленная печь сменила цвет с черного на кир-

пично-рыжий, паучьи махры под потолком исчезли. Колдун мирно спал, а парнишка сидел на полу, привалившись спиной к постели, и читал какую-то потрепанную книжонку. Он и сам успел вымыться, простирнуть одежонку и остричь грязные ногти. Длинные космы превратились в аккуратный льняной хвостик.

На скрип двери он встрепенулся, торопливо сунул книгу под одеяло и вскочил.

– Ну-ну, – скептически бросила я, на ходу расстегивая колушок, – а хлебом-солью почему у порога не встречаешь? На, встряхни и повесь.

Открыла дверь в комнату, окинула наметанным взглядом, принялась. Нет, не заходил. Ну и я тогда могу не торопиться. Подсела к столу, устало откинулась на спинку стула. Лен было вставать, снимать сапоги, готовить... Может, пожевать хлеба с салом и завалиться спать?

Вернулся парнишка с отряхнутым колухом. Повесил на крючок, погремел ухватом в печи и так же молча шлепнул передо мной дымящуюся тарелку с каким-то месивом, серым и комковатым. Прямо как разносчик в доме призрения.

Я брезгливо принялась. Пахло, впрочем, вкусно – толченая картошка с обжаренным на шкварках луке.

– Ядом не забыл посыпать?

– Забыл, – огрызнулся он, – добавь по вкусу.

– Ты, щенок, старшим не хами. Некрасиво, к тому же для здоровья вредно. – Я осторожно попробовала картошку. Ничего, съедобно. Пересолил только. Кивнула за печь: – Его покормил? Не этим, надеюсь?

– Гречу с молоком разогрел, как вы велели, – неохотно буркнул он.

– Козу доил?

– Доил... – Он непроизвольно потер левый бок. Майка не любила доиться, я раньше привязывала ее не только за шею, но и за одну из задних ног. Потом коза смирилась, а перед новичком, выходит, снова решила покачать права.

– И давно ты за ним тягаешься? Впрочем, сама знаю. От силы месяц. Иначе успел бы хоть чему-нибудь научиться.

– Шесть! – обиженно возразил он.

– Надо же, всего полгода, а какая трогательная привязанность. С чего бы это?

– Не твое дело, – окрысился паренек и, не удержавшись, добавил: – Мастер тебя всё равно убьет.

– Попробует, – серьезно согласилась я.

– Отличная работа. – Я шелкнула по основанию тяжелого охотничьего ножа, отозвавшегося не звоном, а низким степенным гулом. Этот клинок определенно знал себе цену. Черная гравировка-травление по всему лезвию – широкому, с хищно изогнутым кончиком, – волнистая рукоять, уютно лежащая в ладонь. – И закалка превосходная.

– Ты на сплав глянь! – горячился сидящий напротив гном, корявым пальцем тыча в тускло мерцающую сталь. – Элгарская, сам Варсан-э-Вок варил! Видишь, клеймо на торце, кирка поперек меча? А кромка какая?! За год не иступится!

Я еще раз полюбовалась ножом, убрала в кожаный чехол и со вздохом положила на прилавок. Цену ему знал и оружейник. Впрочем, ничего покупать я не собиралась. Привезла заказанную настойку от колик и, не удержавшись от соблазна, поддалась на уговоры торговца «просто посмотреть» новую партию товара. Рассуждать о своих изделиях гномы могли бесконечно, будь то причудливый светильник или двуручный меч в троллий рост, причем в процессе торга зачастую так их расхваливали, что в итоге отказывались продавать даже за начальную цену.

На этот раз Карст-э-Лату просто хотелось похвастаться, а я, питавшая слабость к холодному оружию, ничего не имела против. На двери лавчонки висела табличка «Закрето», для меня гномий заказ тоже был на сегодня последним, так что никто не мешал нам с упоением

перебирать опасные цапки. За окном, неспешно оплетая стекла узорами, потрескивал сгущающийся вместе с темнотой морозец. Всё равно бы засветло домой не вернулась, так какая разница, где коротать вечер?

Возле подсвечника валяжно дрыхла на боку здоровенная серая крыса в цепочке-ошейнике. Еще три на устрашение вора бродили где-то по подсобке. Их, как собак, через дыру в двери не подстрелишь, отравленной приманкой не соблазнишь. И пускай лаять они не умеют, зато способны бесшумно пролететь в прыжке больше сажени, впившись точнехонько в нос незадачливому грабителю. Или шустро взбежать по ноге под штаниной, запустив зубы в еще более чувствительное место.

Я протянула руку и почесала крысу за ушком. Та потянулась, сонно клацнула зубами и перевернулась на спину, подставляя мне рыжеватое брюхо. При свете они не нападали. Я как-то в шутку спросила у торговца, что будет, если я задую свечу. Гном серьезно, задумчиво глянул на испуганно трепыхнувшийся огонек, потом, нагнувшись, – на затаившуюся под хозяйским стулом крысу, и уклончиво ответил: «Со мной – ничего».

Дунуть я так и не рискнула.

В заднюю дверь лавки, она же черный вход примыкающего к ней гномьего дома, уже пару раз заглядывала недовольная женушка Карст-э-Лата, не слишком старательно прячущая за спиной нечто здорово смахивающее на скалку, но охаживать ею отлынивающего от домашних дел муженька при госте стеснялась. Гном, покоровшись неизбежному, ускорять его приход тем не менее не собирался. И выложил на стол очередной клинок.

Мне понадобилось огромное усилие воли, чтобы не отшатнуться и не зарычать. От серебряного кинжала с меленько иззубренным на кончике лезвием веяло невыразимой жутью, словно холодом из бездонного колодца, заставляя красочно представить, чем окончится более близкое знакомство и с тем, и с другим.

– А это особый товарец, специально для магов держу, – пояснил ничего не заметивший гном, – им нежить всякую добывать сподручно, надежно. Ну и в простом бою, конечно, сгодится. А уж метать до чего удобно – будто рукой в цель вкладываешь! Да ты в ладонь возьми, примерься!

– Верю на слово. – Я, пересилив себя, но по-прежнему держа руки крепко переплетенными на груди, наклонилась и рассмотрела затейливый узор на клинке. – Дорогуший небось?

– Сорок кладней. Но этот не продается, для себя отложил. Хочешь, тебе такой же у родителей закажу? Можем даже твое имя в гравировку вплести и рукоять чем захочешь отделать.

«Родичами» гномы традиционно величали весь свой клан, будь то парочка семей или несколько сотен, вплоть до десятого колена родства, с одинаковым радушием относясь к первому и последнему. Люди хорошо если четвертое «своим» признавали, а эльфы уже к двоюродным родственникам холодно обращались на «вы».

– Нет, спасибо. Столько я и в долг не наскребу. – И даром не возьму, брррр... – Боишься нежити, Карст?

– Боюсь, – спокойно признался гном, пробуя зубастое лезвие на ногте. – Из города без него ни ногой.

– Как будто в самом Выселке упырей мало, – хмыкнула я, вспоминая, как со всех лап драпала по крышам от парочки этих тварей. В городах они ведут себя скрытно и пугливо, охотясь в основном на бродячих кошек и собак, но одинокими прохожими тоже не брезгают, особенно в темных трущобных переулках. Впрочем, от грабителей с кистенями ущерба куда больше.

– То упырь. – Гном, к моему огромному облегчению, наконец-то убрал кинжал в ножны. – Пакость, конечно, изрядная, но привычная, я ее и обычной секирой в три удара завалю. А тут нечто совсем уж непотребное...

– Страховидло в лапоточках? – с невинным видом вернула я.

Гном раскатисто захохотал, не требуя пояснений. Так вот на кого нарвалась охочая до баек Шалиска!

– Заночевала бы ты на постоянном дворе, Шелена, – резко обрывая смех, буркнул Карст-э-Лат. – И тебе удобнее, и мне спокойнее.

«И клопам сытнее», – про себя добавила я. Спать под чужой крышей я не любила, к тому же в череседельных сумках Дымка лежали прикупленные с утра продукты, в том числе мука и квашеная капуста, уже начавшие потихоньку просачиваться друг в друга.

– С чего бы такая забота? – Я успешно скрyla любопытство за увлеченным чтением рун на обоюдоостром то ли коротком мече, то ли длинном ноже, какие любят носить при поясе тролли-наемники. С учетом их лексикона руны и подбирались, делая нанесенную таким клинком рану не только болезненной, но и весьма обидной.

– У городских стен видели волчьи следы. – Гном понизил голос и втянул голову в плечи, словно предлагая изучить затишье в разговоре на предмет далекого заунывного воя. Я машинально повела ближайшим к окну ухом (хорошо, под волосами не видно), но ничего, разумеется, не услышала. Только лязгающие зубами стражники самоотверженно охраняли ночной покой горожан, стараясь держаться возле фонарей, где этого самого покоя было побольше. – Крупные, ладонью не прикрыть.

– Ну и что? Я и живьем их частенько вижу.

– Я сказал «волчьи», – ворчливо поправил торговец. – А не «оставленные волками».

– Карст, не отбивай хлеб у Шалиски, – чуть натянуто рассмеялась я. – Какой-нибудь мальчишка приложил руку к случайному следу, а ты мне тычешь в нос своей лапищей!

– Мне знакомый охотник сказал, – оскорбленно засопел вислым носом гном. – У него ладонь еще побольше моей!

– Охотники, рыбаки... – Я пренебрежительно махнула рукой. В прошлом году кто-то из заядлых удильщиков распустил слух, будто в Прудках, местном озерце, завелась шкодливая русалка, которая насаживает им на крючки лягушек вместо вожаемых сазанов. А когда ее поодиночке застукало за этим нехорошим занятием уже человек сорок, русалка вынырнула на самом деле с официальной нотой своего правителя немедленно прекратить распространение порочащих их расу сплетен. Теперь охотникам гигантские волки мерещатся. Как будто я бы не заметила!

– А куда же тогда одиноцы пропадают, а? – запальчиво возразил Карст-э-Лат. – Уже с десяток заимок опустело!

Большинство выходцев из Гребенчатых гор селились в человеческих городах или закладывали свои деревеньки, но некоторые предпочитали уединенные лесные домики-мастерские – и не отвлекает никто, и за дровами для кузницы далеко ходить не надо. Их-то и называли одиноцами.

– Вот почему вы так рванулись в Выселок?

– За каменными стенами оно всяк спокойнее, – вздохнул гном, на весу укутывая клинок в замшу и бережно, будто стеклянный, укладывая в короб. Жена мрачно сопела за дверью, набираясь духу для решительной атаки. – Да и крик, ежели что, найдется кому поднять. Ну хочешь, в доме на лавке тебе постелю?

Я потянулась за лежащим на соседнем стуле козушком.

– Поеду, Карст. Козу надо доить. Спасибо за вечер!

– Да всегда пожалуйста. Заходи через недельку, у меня новый завоз будет.

Жена отчетливо заскрипела зубами.

– Всенепременно.

Вторая крыса неожиданно вспрыгнула мне на плечо, пощекотала усами ухо.

– Ну и выдержка у тебя, – восхитился гном. – Прямо драконья!

Я только усмехнулась, осторожно отцепляя любопытную тварь от куртки и ссаживая на стол.

Не говорить же ему, что я услышала цокот коготков еще из противоположного угла лавки. «Нежить, следы... чушь какая».

Я решительно сгребла мерина под уздцы. Дымок, разомлев в теплом сарае, совершенно не понимал, зачем надо плестись куда-то в ночь, да еще по такому морозу, и уперся всеми четырьмя копытами, протестуя мотая задранной башкой. Выругавшись, я отпустила поводья. Выругалась еще раз. Ну не тащить же мне его волоком, пока не переупрямлю! То есть я-то могу, но как поздние прохожие отреагируют на мрачно сторбившуюся девку, за которой вместо салазок с хворостом волочится присевший на задние ноги конь?!

– Вот отдам волкам, будешь знать, – припугнула я. Дымок насторожил уши.

– Или сама съем.

Мерин задрал верхнюю губу в раскатистом саркастическом фырканье.

– Ну и пес с тобой, – разозлилась я, стягивая с коня чересседельные сумки и вскидывая себе на плечо. Ничего, как-нибудь донесу. За городом и перекинуться можно будет. А упрямая скотина пусть стоит в сарае до утра, перед работой заскочу и заберу, Карст вряд ли станет возражать. Небось решит, что я последовала его совету и заночевала в городе.

Дымок, помедлив, шумно вздохнул и потопал следом, нагнав меня уже у порога. Я молча забросила сумки обратно и вскочила в седло. Конь регулярно откидывал подобные коленца, но возвращаться домой пешком еще ни разу меня не заставил – главное, показать, что ты настроена решительно и действительно уходишь.

А морозец-то всё крепчал и крепчал. Пришлось уткнуться носом в меховой воротник, чтобы не вдыхать доходящие до самой груди колючки. Город словно вымер, стражники даже не соизволили выйти из каморки при воротах, досадливо махнув мне рукой в окошко – мол, проезжай быстрее, ненормальная!

За день по дороге проехало несколько саней и волокуш, примяв выпавший прошлой ночью снег. Мерин трусил ровно и ходко, за время моих посиделок с оружейником успев передохнуть и пожевать дармового сенца – во второй половине сарая, разбитой на маленькие закутки, гном держал коз. Невысокие, рассчитанные на них перегородочки не помешали Дымку запустить морду во все кормушки поочередно – под возмущенное блеянье и безуспешные попытки шугануть мародера рогами.

За городом стало не то чтобы теплее – просто мириться с холодом, видя кругом один снег и голые деревья, было куда легче. Вот только ноги окоченели уже через десять минут, даже сквозь шерстяные носки. Снег зеркалом отражал лунный свет, обрамляя горизонт голубоватым заревом. В воздухе витал отчетливый запах квашеной капусты. Судя по нему, сама капуста уже давно покинула пределы неплотно закрытой кринки и равномерно распределилась по всей сумке. Лезть в нее на ходу я не рискнула, оставив эту сомнительную честь Ресту, на которого мало-помалу спихнула все хозяйственные хлопоты. Готовил парнишка так себе, зато починил все хромые стулья, расхлябанные лари и протекающие кадки. Оказывается, раньше был подмастерьем у столяра.

– Не справился, ушел в маги, на легкие хлеба? – съязвила я, узнав.

– Работу не на плечи – на душу примеряют, – серьезно ответил он, в первый раз не обиравшись. За учителем небось повторил. Но и сам верит, что похвально.

И колдун повеселел. После очередного осмотра я решила снять лубки с левой, переломанной только в одном месте руки, и он сосредоточенно, часами, разминал ее, попутно объясняя ученику какие-то пассы и конфигурации. Тьфу.

Две тарелки в процессе разбили. Одну якобы «недолевитировали», а вторую локтем в запале смахнули. Наверняка Рест, хотя оправдывался передо мной неизменно Верес. Ха,

оправдывался! *Сообщал*, причем с таким видом, словно я должна только радоваться, что меня избавили от этой рухляди.

Я задрала голову, любуясь ночным небом, чтобы хоть ненадолго отвлечься от зябкой дорожной скуки. В созвездиях я особо не разбиралась, зато Волчий Глаз, самую яркую зимнюю звезду, отыскала сразу. Эльфы называли его Кошачьим, русалки – Рыбьим, тролли... хм... но насчет Глаза никаких разногласий не возникало. Бесстрастный, хищный, немигающий, он пристально следил за мной сквозь путаницу ветвей, пока небо не накренилось и с истерическим ржанием не рухнуло вниз.

Объяснение у вселенской катастрофы было очень простое: Дымок встал на дыбы. Задумавшийся человек так бы и брякнулся спиной о землю, но оборотень со звериным проворством рванулся вперед и успел обхватить лошадиную шею руками. На моей памяти флегматичный мерин отколол такой номер впервые, а значит, и причина была стоящей. Даже очень.

Вурдалак тоже взвился на задние лапы, почти сравнявшись ростом с конем. Маленькие, глубоко запавшие глаза горели алым огнем, сквозь сомкнутые зубы вырывалось злобное рычание. Похоже, мы застигли друг друга врасплох: тварь явно бежала по своим делам, совершенно не ожидая, что кто-то посмеет заступить ей дорогу. И ограничиваться взаимными извинениями не собиралась.

Вурдалак запоздало разжал пасть, выронив какую-то тряпку, и с ревом метнулся к конскому горлу, но Дымок уже опустился на все четыре ноги, а я успела прийти к выводу, что лучшая защита – это нападение. Тяжелые сумки, на манер пращи раскрученные за общий ремень, саданули тварь по груди и с победным звоном-треском-хрустом и резко усилившимся капустным запахом отшвырнули ее на несколько сажений.

Такого отпора вурдалак не ожидал! Раздавшееся вслед за тем рычание окончательно убедило его, что стоит дважды подумать – а так ли уж он зол и голоден? Оборотня-то он, безусловно, одолеет, но придется изрядно повозиться, да и я вхолостую щелкать клыками не намерена. К тому же это была моя территория. Звери и нежить очень тонко чувствуют такие вещи, потому-то я в свое время и удирала от городских упырей, на которых, защищая свое логово, бросилась бы без колебаний и почти наверняка разодрала в клочья.

Поединок ненавидящих взглядов и гортанного рыка длился минут десять. Вурдалак, пытаясь сохранить достоинство, понемногу пятился к заснеженным кустам. Только скрывшись в них целиком, он замолчал и, развернувшись, деловито захрустел настом, удаляясь по направлению к городу.

Я соскочила с Дымка и по-звериному припала к земле, настороженно озираясь по сторонам и раздувая ноздри. Раздеваться посреди леса в такую холодрыгу страшно не хотелось, к тому же во время смены ипостаси оборотень уязвимее всего. Бежать за вурдалаком, бросив коня, я всё равно не собиралась – нос и уши говорили мне, что он уже далеко, а остальные части тела возмущенно требовали везти их домой, к теплой печке и горячему ужину.

На всякий случай я немного прошлась по дороге, рассматривая оставленные вурдалаком следы (ну да, крупные, хоть не с мужскую ладонь), и сокрушенно покачала головой – тряпка оказалась моей курицей. Я брезгливо и печально подняла ее за смятое крыло и, размахнувшись, зашвырнула подальше в сугроб. Подобрала сумки и снова вскарабкалась на коня. Дымок мелко дрожал, пофыркивал и, еле дождавшись, пока я нашарю второе стремя, пошел быстрой тряской рысцей, несмотря на вновь проявившуюся хромоту. Осаживать его я не стала. Мне тоже не терпелось поскорее отсюда убраться, а пуще того – убедиться, что набег на мои владения ограничился только курицей.

Против обыкновения, меня ждали. На подоконнике стояла горящая свеча, видная изда-лека и сразу успокоившая и меня, и мерина, так что к калитке я подъехала уже шагом. Забор и будку, в которой заночевала злосчастная курица, соединяли две четкие цепочки следов. К

крыльцу и окнам тварь даже не подходила, почему-то удовольствовавшись более чем скромной для такой зверюги добычей.

Впрочем, сам вурдалак тревожил меня меньше всего: до тебя, куроград, я рано или поздно всё равно доберусь, вот только разыщу дневную лежку. Куда большее беспокойство вызывал сам факт его появления в наших краях. Ведь даже дети знают: оборотни не спариваются друг с другом. Только с людьми или волками. И от вторых рождаются вурдалаки, звери с человеческой жадой крови.

Значит, у меня появился конкурент. Хитрый, умный и скрытный, не оставляющий меток и не охотящийся ради пропитания. Самица, потому что никакая оборотниха в своем уме не отдастся волку и уж тем более не станет плодить от него чудовищ. Да и оборотня, соблазвившегося волчицей, нормальным не назовешь, так что неудивительно, что мне совершенно не хотелось с ним пересекаться.

Оставалось только надеяться, что вурдалак забрел в мой лес случайно, появившись на свет в сотне, а лучше – тысяче верст отсюда. Но уж больно уверенно он себя вел для пришлого, да и на бродягу мало смахивал – здоровенный, лоснящийся, как будто просто лапы поразмять вышел. Откуда?

– Что? – хмуро поинтересовалась я с порога. Рест открыл по первому же стуку, как будто караулил в сениях. Да нет, точно караулил – скрипа внутренней двери я не слышала.

– У те... вас все в порядке? – так толком и не определившись, как меня величать, с плохо скрываемым облегчением поинтересовался паренек.

– Угу. – Я бесцеремонно отпихнула его с дороги и прошла в дом. Рест тут же захлопнул дверь и тщательно задвинул засов, даже за ручку на всякий случай дернул, проверяя.

– Там, во дворе... кто-то бродил. – Ученик колдуна тщетно попытался придать дрожащему голосу презрительную небрежность: мол, ничего особенного, и без тебя бы разобрались, только по долгу службы сообщаю. Верес молча, пристально смотрел на меня из-за отдернутой занавески. Словно чего-то ждал. – А потом курица эдак отчаянно кудахтнула и затихла...

– Угу. Держи.

– А что там такое? – Паренек подозрительно принял у меня печально вытянувшуюся сумку, с которой попеременно капало желтое тягучее и зеленоватое прозрачное.

– Не знаю, – честно сказала я, с содроганием представив себе однородную мешанину из трех фунтов квашеной капусты, четверти пуда муки, семи пакетиков с травами, трех новых тарелок, пары запасных носков и дюжины яиц.

И поскорее сбежала в комнату, дабы не видеть лица Реста, когда он будет выгребать ЭТО из сумки.

Глава 2

Некоторые планы кажутся гениальными в момент прихода в голову, без сучка и задоринки проходят стадию разработки и блестяще проваливаются уже на первой секунде осуществления.

Я мчалась по заснеженному лесу, не оглядываясь. Смотреть на пылящего за спиной вурдалака абсолютно не хотелось. Мы успели по разу рвануть друг друга зубами, его оказались длиннее и острее, и у меня хватило ума не настаивать на реванше.

Проклятая тварь днем не только не спала, но и повела себя еще агрессивнее, чем ночью, кинувшись на меня с такой яростью, как будто это не она, а я загрызла дикого кабана на чужой территории и, невзирая на солнечный свет, жадно им лакомясь. Конечно, вурдалаки не упыри, с рассветом в летаргию не впадают, но, как и совы, до заката предпочитают отсиживаться в темном укромном месте. А выкуренные оттуда, бестолково мечутся по лесу, и не помышляя о сопротивлении. Кто бы ему об этом намекнул, а?!

Передние, а за ними и задние лапы внезапно разъехались в стороны – припорошенный снегом ручей промерз до дна, не выдав себя журчанием. Меня закрутило на широкой ледяной дорожке и вместе с ней швырнуло вниз, в заросшую лесом балку. Подняв облако снежной пыли, я с визгом распахала крутой склон и, чудом увернувшись от сосны, припечаталась к менее стоворчивой елке. Осовело покрутила мордой, расставив по местам съехавшие в кучку глаза, выкарабкалась из сугроба и неуклюже заскакала по дну балки, по грудь проваливаясь в рыхлый снег. Вурдалаку хорошо, у него лапы длиннее, да и бежать по чужим следам проще, чем прокладывать свою тропку.

На мое счастье, вскоре балку перегородил вывороченный ураганом ясень, макушкой прислонившийся к ее краю, а кончиками корней еще цепляющийся за основание одного из склонов. Потоптавшись на месте, чтобы примять путающийся в лапах снег, я сжалась в пружинистый комок и вспрыгнула на бревно.

Зубы лязгнули у самого кончика хвоста. Я торопливо поджала этот не жизненно важный, но чем-то дорогой мне орган и, глубоко засаживая когти в кору, пошкрябала вверх. Тут преимущество было на моей стороне – вурдалачьи когти не такие шипастые, и выпускать-втягивать их эта тварь не умеет. Как я и ожидала, он не сумел удержаться на обледеневшем стволе. По инерции сделал несколько скачков, всё больше заваливаясь набок, и спиной вниз булькнул в глубокий снег. Я не отказала себе в удовольствии приостановиться и полюбоваться фигурной дыркой, из которой доносился разъяренный рев и вылетали снежные комья. Кабы не шибко устойчивое положение, еще и пометила бы.

В сажени от края балки ствол раздвоился, превратившись в почти непролазную путаницу тонких ветвей. Я рискнула и прыгнула. Спасибо кустикам на склоне, иначе легкий недолет обернулся бы позорным скатыванием в охотно подставленную пасть. Я отчаянно заработала лапами, взбив свежий снег обратно в метель, искрящимися на солнце хлопьями уплывшую вниз и назад (рев сменился возмущенным отплевыванием). Кое-как выкарабкалась из овражной западни, на ровном припустив что есть духу. Прокушенное плечо горело, словно в нем засел серебряный наконечник, но боль только подхлестывала.

По ту сторону балки расстиралось поле с частыми вежами сухого осота, по дальнему краю обнесенное темным частоколом бора. Летом селяне пасли здесь коров и овец, подбедавших хорошую траву и обходивших колючки, которые от такой прополки благодарно вымахивали под три аршина и буйно цвели медвяным багрянцем, во вторую половину лета делая луг совершенно непролазным для людей и неудобным для хищников. Но сейчас половина осени уже подгнила и попадала, а остальные, хоть порой и цеплялись за мою встрепанную шкуру, сбавить скорость не заставили. Более массивному и лохматому вурдалаку они мешали намного больше.

Он нагнал меня уже возле самой опушки. Чуть не сбил с лап, но я в последний момент метнулась в сторону, оставив у него в зубах клочок шерсти. Оборотень мельче, зато маневреннее вурдалака и – самое главное – благодаря своей второй ипостаси располагает куда большим арсеналом гадостей. Еще один прыжок, металлическое кляцанье – и вурдалак взвыл, заплясал на месте, звеня прикованной к бревну цепью. Вот и пригодился медвежий капкан. Специально для дорогого гостя взвела, еще утром. Замаскировала не в пример тщательнее Реста, пометила со всех сторон, чтобы настоящий медведь не смел и подойти.

Не останавливаясь, только чуть сбавив ход, я побежала дальше, привычно петляя и сдвигая следы. Насчет вурдалака я не обольщалась, с нахрапа мне его всё равно не взять, отгрызет лапу и вырвется – вон, уже приступил. На трех, конечно, за мной не погонится, залижет и похромает в логово, отрачивать новую. Но хотя бы пару недель в лесу будет тихо.

И за эти недели я должна отыскать его убежище. Кровь из носу, если хочу отделаться только ею.

Потому что, похоже, подтвердились мои самые худшие опасения.

Каюсь, с работы я сегодня удрала сразу после обеда, воспользовавшись отсутствием хозяина, поехавшего к родне в село. Отвела коня домой и, пока ленивое зимнее солнышко не успело юркнуть за горизонт, решила наобум побегать по лесу – авось наткнусь на свежие следы незваного гостя.

Ну и наткнулась, еле приковыляв домой уже затемно.

Паренек спал, клубочком свернувшись на постеленном в углу тулупе, – а может, притворялся. С первой же ночи он старательно делал, вид, будто не замечает моих уходов и возвращений. Уж и не знаю, что пугало его больше – моя нагота или живописно размазанная по ней кровь. Но руку даю на отсечение – подглядывал!

Впрочем, чего ее отсекать – того и гляди, сама отвалится. Кое-как натянув штаны здоровой рукой, я села за стол и, хмурясь, осмотрела плечо. Рана была глубокая, нехорошая. Человек добавил бы: ужасная. И рухнул в обморок. Края широко разошлись, кровь не текла, на дне розовела кость. Больно было даже пальцами пошевелить. Обычно стоило мне волевым усилием стянуть сосуды, как раны начинали заживать чуть ли не на глазах. Эта и не думала. Придется промывать, обрабатывать зельями, а то и соскабливать часть плоти, отравленной вурдалачьей слюной.

– Покажи, – тихо попросил колдун.

Я смерила его долгим, оценивающим взглядом, потом философски пожала плечами и пересела на стул возле постели. Подставила руку. Верес медленно пошевелил пальцами над раной, словно ощупывая невидимую корку.

– На нем был ошейник, верно?

– Стальными шипами внутрь, серебряными наружу, – буркнула я. – Встречались?

Он не ответил, сосредоточившись на ране. Защищало, из плоти проступила зеленоватая пена.

– Иди промой, только быстро. – Колдун устало откинулся на подушку, на лбу заблестели мелкие капельки пота.

Я сполоснула плечо над помойным ведром чистой водой из кружки. Жжение сменилось привычным зудом, рана начинала заживать.

– Себя-то чего не лечишь? – не глядя на Вереса, ворчливо поинтересовалась я.

– Себя сложнее, – вздохнул он. – Да, встречались. Как раз перед тобой.

Мальчишка, кажется, и в самом деле спал. Намаялся за день, ремонтируя крышу сарая, провалившуюся под тяжестью снега. Можно поговорить без помех.

– Серебряные – чтобы до глотки не добралась я, стальные – чтобы чувствовал хозяйскую руку. Чью?

– Я думал твою, – невесело улыбнулся он.

– Только вурдалака мне для полного счастья не хватало. Желательно – глухого, беззубого и облезлого. – Я повесила кружку на крючок, вытерла руки полотенцем и накинула старенькую, зато мягкую и просторную рубашку, не раздражающую рану. Возиться с повязкой не стоило: всё равно к утру на плече останется только розовая полоска шрама, а через пару дней исчезнет и она. – Слушай, колдун, ты что, действительно считал меня такой идиоткой? Поэтому первые дни и дергался от каждого шороха, да? Ждал, когда же наконец объявится мое «дитятко»?

Верес промолчал. Я презрительно фукнула на свечу и, негромко, но выразительно хлопнув дверью, удалилась в комнату. Долго ворочалась под одеялом, пытаюсь устроиться так, чтобы и мне было уютно, и плечу удобно. А когда уже начала засыпать...

– Извини, – чуть слышно сказал он в темноту. – И спасибо.

Я не ответила. Да он и не ждал.

И правда, дней десять было тихо.

Эта поддельная тишина беспокоила меня еще больше. Никаких следов вурдалака или его хозяина я так и не обнаружила, хотя облазила всю округу и обнюхала каждый пенек. Рука к утру и впрямь зажила, но ныла и плохо сгибалась еще несколько дней, так что на рожон я старалась не лезть, сначала принюхивалась и прислушивалась, а уж потом выходила на открытое место или совалась в подозрительный овражек.

Ничего. Такое ощущение, словно он материализовался посреди поляны с кабаном, погонял меня по лесу и, отравив пару крылышек, живьем вознесся на небеса с зеленоватого, исчезанного коньками льда Прудков. Бесовщина какая-то!

В конце недели, засветло возвращаясь с работы, я, скорее прогулки ради, чем надеясь что-либо обнаружить, сделала крюк и навестила капкан (ночью я к нему близко не подходила, взяв трехногий след от края полянки). Естественно, ни вурдалака, ни лапы.

«Съел, зараза, чтобы зря не пропадало, – с досадой подумала я, – воронье или прочие падальщики вряд ли на такую дрянь покусятся». Решила забрать и переставить капкан, но вовремя насторожилась. На снегу вокруг него не было крови. Ни капли, хотя погода с той ночи держалась ясная, замести не могло. Даже зубья блестели, как отполированные.

Пока я, не спешиваясь, сидела и думала, а Дымок покорно ждал, посапывая в два парка, из-под заснеженной кочки выбралась жирная полевка, умыла мордочку и побежала по своим мышинным делам. Я, не удержавшись от искушения, грозно шикнула, заставив ее подскочить и без оглядки кинуться наутек. Мимо капкана. Легкое колебание воздуха, как возле открытой в морозный день двери, синеватая россыпь искорок на рыжей шерстке – и полевка исчезла, словно слизнутая невидимым лисьим языком. Снег так и остался нетронутым.

Я решительно завернула коня, даже не поэкспериментировав с шишками-палками. Там, где не обошлось без одного колдуна, обходиться без второго тем более не следовало. К тому же за весь день мне так и не удалось толком перекусить (цапнутую утром со стола краюшку я по-братски разделила с Дымком), а разбираться с проблемами на пустой желудок я не любила.

Подъехав к дому и распахнув калитку, я цыкнула на коня, чтобы тот сам шел к сараю, а сама быстренько пробежалась вдоль заборчика, внимательно изучая отметины на снегу. Та-а-ак... заяц... еще заяц... что, свет клином на моей яблоне сошелся?! Отпечатки подошв... знакомый размерчик! И что же ты тут, голубчик, забыл? Ну так и знала, устроил тайное погребение останков очередной недостаточно летучей кружки! И когда ж вы наконец тяжелые предметы проходить будете, сковородку там или горшок чугунный – авось на голову себе уронишь, может, мозги на место встанут! Представляю, какой бы из тебя столяр вышел... Ладно, что там у нас еще? Крестики вороньих следов, крошки украденной из козьего корытца корки... благодарное темное пятнышко...

Вроде всё в порядке.

Я облегченно вздохнула, словно скинув с загривка мешок с ворованной картошкой – не просто тяжелой, но еще и заставляющей шараться от малейшего шороха. И уже спокойно, по-

хозяйски расправив плечи, подошла к крыльцу, напоследок окинув лес цепким пристальным взглядом.

Мальчишка с явной неохотой поднялся с затекших коленей и начал накрывать на стол. Колдун приветственно кивнул, захлопывая где-то раздобытую Рестом книгу. Отложил ее на край постели и, осторожно опираясь на исхудалые руки (правая, только вчера освобожденная от лубков, заметно дрожала), подтянул тело повыше, на торчком стоящую в изголовье подушку. С опасливым интересом принялся к повалившему из печи дыму. Тоже, видимо, увлекся уроком и сам не заметил, как проголодался.

С того памятного вечера у нас с Вересом установилось нечто вроде вежливого нейтралитета, как между двумя вражескими лагерями, в которых кончились стрелы, врукопашную идти что-то не хочется, и воины в ожидании интендантских обозов повадились в складчину варить на нейтральной территории кулеш. Рест играл роль всеми позабытого тысячника, который уныло слоняется вокруг костра, пытаясь отделить своих от чужих, но обе армии от него досадливо отмахиваются, а то и гоняют за дровами.

Подпустить «тысячника» собственно к готовке означало вообще сорвать боевые действия, надолго рассадив воинов по кустам. У оборотней, хвала богам, желудки покрепче... правда, я так и не смогла определить, является ли содержимое глубокой миски густым перловым супом или жидкой кашей, но оно было горячее, сытное и кое-как подцеплялось ложкой, поэтому Рест отделался только ироничным замечанием «А не завести ли нам поросеночка?». Верес, недавно переведенный на общие харчи (хотя я по-прежнему покупала для него белый хлеб и творог, а козье молоко и так всё до капли шло ему) и вроде бы смилившийся с домашним питанием, фыркнул в поднесенную ко рту ложку и скептически уточнил: «Думаешь, приживется?»

Мальчишка насупился и, раскопав в закутке потрепанный веник, начал так сердито мести пол, что дремавшая на лавке кошка расчихалась и, примерившись, легко и беззвучно взвилась на высокую печку, затаившись среди тряпья. Только зеленые глаза поблескивают.

Съев девять ложек варева, в десятой я обнаружила что-то маленькое и черное, но, с замиданием желудка приглядевшись, поняла, что это всего лишь уголек. Однако аппетит уже пропал, и я, еще немного поковырявшись в остывающей, всё более вязкой субстанции (наверное, всё-таки каша!), отодвинула миску.

– Верес, что может означать внезапно исчезнувшая мышь?

– Внезапно возникшую кошку, – улыбнулся колдун, но я ответила таким мрачным взглядом, что ему сразу расхотелось шутить.

– Неприятный запах? Дым? Звук? Оставшееся пятно?

– Нет. Только легкое свечение.

– Я бы сказал, что это телепорт-ловушка, – подумав, действительно сказал он. – Жертва активирует его своим теплом и мгновенно переносится в клетку.

– Далеко?

– На пару верст. Если усилить входной портал амулетом – до десяти.

Я досадливо чмыхнула носом. Сам капкан выглядел вполне обыкновенно, но амулет вполне мог быть зарыт в снег под ним. Значит, будем считать по максимуму... Леший, даже за неделю не оббежать, тем более что в этот круг попадает весь Выселок. Там-то как загадочного ловца искать? В каждую дверь стучаться и спрашивать: «Извините, это не вы ли мой капкан заколдовали?» А ведь в городе он, скорее всего, и прячется, схоронив клетку где-нибудь в подвале, крепко запертом и без окошек. Проверяют ее, думаю, по утрам, как обычную крысоловку, пока добыча не завонялась... стоп. Хе-хе!

– Шелена, что-то случилось? – осторожно поинтересовался Верес, не дождавшись продолжения разговора. Веник продолжал ритмично, но неестественно шебуршать по одному

месту – любопытство пересилило обиду, и мальчишка, усиленно напуская на себя оскорбленный и независимый вид, жадно прислушивался.

– Нет, – тоном «да, но не твое дело!» отрезала я, вставая из-за стола.

Колдун укоризненно сдвинул брови, но ничего не сказал. Веник еще яростнее заскреб по полу, пыль взметнулась чуть ли не до потолка, выкурив меня из кухни эффективнее ладана. Нет, эти храмовые штучки на меня не действуют, просто запах противный. Серебро еще туда-сюда, прикасаться к нему я не люблю, но и рассчитывать, что с поджатым хвостом убегу при виде торжественно предъявленного мне крестика из этого металла, весьма опрометчиво. А уж серебряной, самой ходовой монеткой меня тем более не отпугнешь!

И видел бы волийский коллега Вереса, малость тронутый на охоте за нежитью ведьмак, как упущенный им оборотень на следующий день тщательно осматривает место неудавшейся засады и выколупывает из стволов серебряные арбалетные болты, дабы продать их ювелиру и хоть немного компенсировать моральный ущерб...

Верес стрелял куда лучше.

Я сердито фыркнула, злясь скорее на себя. И, разложив по расстеленной на полу холстине пучки трав, скрутки коры, терпко пахнущие пакетики, маленькие терочки-ступочки, а в центре водрузив горшок с топленным гусиным жиром, углубилась в составление мази под хорошо оплаченный заказ – естественно, в обход знахарской кассы.

Думалось под это рутинное и вместе с тем увлекательное занятие просто замечательно.

Поздно вечером, когда колдун уже заснул, а мальчишка при рыжеватом свете свечи терпеливо царапал пером пергамент, переписывая заданное мастером заклинание, я неожиданно нависла у него над плечом и вкрадчиво поинтересовалась:

– Слушай, где ты раздобыл столько дохлых ворон? – Рест, и без того настороженно косившийся на меня из-под отросшей челки («неужто про кружку узнала?!»), окончательно стушевался:

– Мальчишки возле портовых складов из луков стрелять учатся, ну, я и насобираю... там приезжие купцы зерно хранят, ворон уйма...

– Еще парочку принести можешь?

– Зачем?

– Суп сварю, – съязвила я. – А то человечина уже в горло не лезет.

– В горшке еще каша осталась, – не сдержавшись, злорадно напомнил он.

Стоящее на припеке «яство» успело застыть и покрыться сероватой слизистой корочкой. Когда пять минут назад я попыталась выдернуть позабытую в нем ложку, приподнялся весь горшок.

– Несешь ворон или при мне доедаешь это, с позволения сказать, *содержимое на завтрак*?

Рест, упрямо закусив нижнюю губу и демонстративно уставившись в книгу, обмакнул перо в чернильницу. Я «сочувственно» похлопала его по плечу и вернулась в комнату.

Пару дней вороны добросовестно тухли на чердаке. На печи, конечно, процесс пошел бы быстрее, но мы и так были очень даже в курсе его успешного протекания. Когда я наконец сгребла их в мешок и на отставленной руке вынесла во двор, Рест торопливо распахнул все окна, предпочитая выморозить избу, чем сидеть в настолько специфическом тепле.

– Будь осторожнее. – В настигшем меня уже в сенях голосе явственно проскальзывало беспокойство. Либо догадался, что я задумала, либо Вересу просто не понравилось злорадно-предвкушающее выражение моей физиономии.

– Уж как-нибудь, – буркнула я, хотя вообще-то не собиралась отвечать. Заботится, ишь ты. Что некому кормить их будет и гонорар за оборотнихину башку на сторону уплывет. Интересно, кстати, кому он ее сбыть хотел? В жизни не поверю, чтобы колдун взялся за это богоугодное дело из чистого альтруизма, он же не дайн. Обычно, если оборотень особо не шалит, то

городской маг и не чешется. Сдельно работающие наемники вроде Вереса – тем более. Зачем? Всё равно рано или поздно отыщутся доброжелатели с увесистыми кошельками, желающие за дело или на всякий случай избавить округу от намозолившего глаза монстра.

Но сейчас был определенно не лучший момент для ехидных расспросов – несмотря на столь трогательную тревогу о моем благополучии, дверь за нами с воронами безжалостно захлопнулась.

Снег обжигал босые пятки. Распущенные волосы, шевелясь от ветерка, не защищали от мороза, а только холодили плечи. Я торопливо на цыпочках – словно по раскаленным уголькам или стрекучей крапиве – перебежала двор и прошмыгнула в сарай. Ко внутренней стороне двери тоже крепился крюк. Я заправила его в петлю и перевела дух, глубоким брезгливым выдохом вытолкнув из легких ледяной воздух. После двора даже эта продуваемая развалюха казалась хорошо протопленной комнатой.

Дымок захрапел и попятился к задней стенке, коза подозрительно косилась из своего уголка, напружинив ноги, но не торопясь вскакивать с нагретой подстилки. Зато кошка, беззвучной белесой тенью возникнув в отдушине под крышей, с интересом подалась вперед, шевеля растопыренными усами. Ну да, не розами пахнет. Да и не пахнет, строго говоря. Смердит, аки цельная дохлая корова, в считанные секунды весь сарай провонялся!

Превосходно!

Я опустила на четвереньки, уперлась ладонями в соломенную подстилку. Волосы свесились до самого пола, шелковистым пологом отгородив меня от окружающего мира, помогая сосредоточиться на внутренних ощущениях.

Менять ипостась в укромном, но открытом всем ветрам и вурдалакам уголке за поленницей я больше не рисковала. В доме – тем более. Такого подарка судьбы ни один колдун не упустит: достаточно даже не заклинания или меча, а сильного пинка в спину, чтобы сломать яично-хрупкий в момент перестройки хребет.

Да и не слишком-то это приятное зрелище.

Волевое напряжение мышц перешло в мощный спазм, скрутивший тело до самых кончиков пальцев, с хрустом выворачивающий суставы, раздирающий сухожилия, сгибающий кости и сминающий хрящи. Превративший его в единый сгусток боли с запертым в переплавляющемся горле криком. И – волна липкого, животного, всепоглощающего ужаса от нарастающего удушья и невозможности сделать вдох... в тысячный раз, и каждый – как будто последний...

Грудная клетка вздрогнула, пару раз бестолково дернулась, приноравливаясь к новому расположению ребер и связок, и возобновила ритмичное движение.

Я сглотнула, подняла морду и обвела сарай тяжелым фосфорическим взглядом. Мерин сердито ударил копытом, кошка зашипела и, неловко развернувшись, исчезла во тьме. А вот Майка со вкусом почесала о стену безрогую башку, затуманила глаза и, сосредоточенно прокатив по горлу ком жвачки, начала ритмично двигать челюстями. Ну, оборотень. Экая, невидаль. Даже удобнее бодать – большой, мохнатый! И ведь бодает при каждом удобном случае, паразитка...

Я потопталась на месте, давая телу и разуму вспомнить друг друга. Цвета, ночью и без того не слишком выразительные, не то чтобы перестали различаться – просто утратили значение. Запахи же, наоборот, приобретали всё большую глубину и остроту, лавинообразно дробясь на составные компоненты, а из тишины вылущивались всё новые звуки, от далекого скрипа заснеженной ели до шелеста копошащейся в соломенной кровле мышки.

Мммм, как же здесь вкусно пахнет... я с трудом подавила желание брякнуться набок и с утробным ворчанием перекатиться по мешку, пропитывая шерсть исходящим от него ароматом. Э, нет, это уже перебор! Эдак я до обычной шавки довспоминаюсь.

Привстав на дыбки, я носом поддела крюк, ухватила мешок зубами за горловину и легко выпрыгнула на снег. Оглянулась на избу, иронично наострила уши и разжала пасть, смачно

обмахнув ее языком. Окошко тут же захлопнулось, еще и занавеска по веревочке протрещала. Хе-хе, как будто это кому-то помогло...

С наружным запором пришлось повозиться. Чуть язык к крюку не приморозила, пока в петлю попала. Сто раз уже собиралась нормальный засов поставить, тот хоть плечом задвинуть можно! Надо будет завтра щенка озадачить. А начнет клычата скалить – напомним про кружку. И миски. Да и одна ложка куда-то запропала...

С разбегу перемахнув забор и от избытка чувств (как сорвавшаяся с цепи собака, честное слово!) сделав несколько высоких парящих скачков, я напрямки, как по нитке, помчалась сквозь лес. Вот интересно: и подушечки лап, и человеческие пятки безволосые, чуткие, но первые ледок только задорит, а шерсть, хоть и развевается, сохраняет тепло намного лучше самого толстого тулупа.

Позавчера в наши края залетел южный ветерок, оплавив сугробы и обвешав крыши сосульками, но уже спустя несколько часов был с позором изгнан осерчавшими вдвое против прежнего морозами. Теперь о нем напоминала лишь толстая корка наста, без труда выдерживающая вес моего тела. С лунного неба, испятнанного лохмами тучек, сыпались редкие блестки снежка. Примерно в версте к западу заунывно перекликались загоняющие лося волки. Удачно с погодкой подгадали, после оттепели и заморозка охотиться на крупную дичь одно удовольствие – хищника обледеневший снег держит, а под добычей проседает. Не помешало бы и мне пополнить кладовую, но сегодняшняя ночь была уже отведена для иной, не менее увлекательной забавы.

У капкана всё осталось по-прежнему. Ровная полусаженная площадка в обрамлении снежных холмиков, даже цепь лежит тем же изгибом, что и в прошлый раз. Побелела только, заиндевел.

Теплом жертвы, да?

Не дойдя до площадки трех-четырёх шагов, я покрутилась на месте, вытаптывая удобное гнездышко. Клубочком свернулась в нем вокруг мешка, терпеливо выждала, пока тот не перестанет источать впитавшийся по дороге холод, потом бесцеремонно разодрала мешковину когтями, подцепила зубами за край и резко мотнула головой.

Вороны описали изящную дугу и с тихим хлопком исчезли. Я довольно оскалилась и, на всякий случай отбежав в сторону, залегла за кучей заснеженного хвороста. Леший их знает, эти телепорты, обычная-то дверь может служить и входом, и выходом!

Но предосторожность оказалась излишней – ни «подарочек» мой обратно не вылетел, ни зажимающий нос маг с руганью не вывалился. Выждав с полчасика для верности, я развернулась и неспешно потрусила сквозь редкий ельник, сажений через двести разорвавшийся ведущей к Выселку дорогой. В лунном свете она казалась руслом замерзшей реки, голубовато лучащейся изнутри. Надо льдом призрачными волнами клубилась поземка. Я побежала сквозь нее, как сквозь дым, искренне сочувствуя тому бедолаге, которого угораздит повстречать привиденистую меня. Даже подбежать и извиниться за беспокойство не успею – помрет на месте!

У самого города я свернула с дороги, хотя стражники, как я и думала, вовсе не собирались бдеть в открытой сторожевой башне всю ночь, сразу же после ежевечернего обхода начальства укрывшись от непогоды в караулке. Так что до утра Выселок охраняло сделанное из старой кольчуги и запасного шлема чучело с копьём в руке-метле, на фоне факела смотревшее весьма браво.

Ворота, разумеется, были крепко заперты изнутри, но я и не собиралась в них стучаться. Конечно, в человеческой ипостаси меня бы наверняка впустили – не в первый раз, чай, видят, – но объяснять, что мне понадобилось в городе после полуночи, совершенно не хотелось. Даже если более-менее удачно отбрышусь, караульные еще не скоро выкинут из головы этот странный визит. А если начнутся расспросы, не происходило ли в их смену чего подозрительного, вспомнят о нем в первую очередь.

Я с задранной мордой побрела вдоль стены, выбирая наиболее симпатичную комбинацию уступов и выемок. Ага, вот эта «лесенка» подойдет. Прыжок! Я прижалась брюхом к каменной кладке в доброй сажени над землей, распяленная между четырьмя лапами, как здоровенный мохнатый паук. Потом осторожно оторвала от стены правую заднюю, двумя пядями выше напарила выпирающий голыш и, покрепче стиснув его в дужках когтей, оттолкнулась и выбросила вперед уже левую переднюю.

Раньше, говорят, стены по зимнему времени обливали водой. А нынче даже щели не удосужились замазать. Так что – сами виноваты.

Добравшись до верха, я сначала заглянула в бойницу, а потом уж перебралась через гребень стены. Естественно, простенок никто не патрулировал, снегу туда намело выше пояса. С противоположной стены полагалось бы стоять приставным лестницам, но народ в Выселке – как, впрочем, в любом крупном человеческом поселении – вороватый, так что сохранились эти осадные приспособления только возле ворот, по одной штуке с обеих сторон. Сверху мне прекрасно был виден горящий в караулке огонек, долетали даже обрывки разговора:

– ...хал, вчера под утро сно...

– ...роз по коже, до того жут...

Дальше я не слышала, глубже ушей провалившись в сугроб под стеной. Громковато вышло, слежавшийся снег протестующе закрипел и захрупал, больно ударив по лапам. Впрочем, во всём есть свои положительные стороны – из более пушистого сугроба я бы так просто не выкарабкалась, пришлось бы прокапываться напрямую.

Встряхнулась, отфыркнула забившийся в ноздри снег.

– ...дошел, грит, до середины стены, и вдруг до того промеж лопаток засвербело, будто взгляд чей недобрый. Не стерпел, обернулся – нико...

– ...ак я ж тебе битый час о том и толк...

Может, шутки ради подпереть дверь колодой? Вот бы утренняя смена похихикала... а знали бы они еще, кто им так подгадил!

Ладно, не будем отвлекаться на ерунду! Я припала к земле и скользнула в ближайшую тень от заборчика. Окраинные дома Выселка по большей части простые, деревянные, вроде селянских хаток, только без огорода – палисадничек с зеленью, и всё. Ближе к площади они смыкаются боками, каменеют и вытягиваются ввысь на два-три этажа, образуя узкие запутанные улочки, в которые ночью без меча или клыков лучше не соваться.

В соседнем доме пронзительно забрехала мелкая шавка, и в нее с руганью запустили чем-то мягким и увесистым. С прошлого года указом градоправителя в Выселке разрешалось держать только цепных и комнатных собак, а облагалось это удовольствие немалым налогом. Свободно разгуливающие по улицам псы, даже породистые и в ошейниках, подлежали немедленному отлову и уничтожению. Очень, очень правильный указ... хоть и странный. Через месяц после его введения количество нежити в городе выросло втрое, а нападала она куда чаще собак, помимо обычных болезней разнося магические. На кошек указ почему-то не распространялся. Может, у нашего градоправителя просто аллергия на собачью шерсть?

В любом случае я сказала ему сердечное «спасибо» и без помех обследовала первый дом, сосредоточенно приняв у дверей, окон и подвальной отдушины. Сторожевой кобель, боясь вякнуть и прекрасно понимая, что с цепи ему никуда не деться, тише воды ниже травы сидел в будке. Так, здесь всё чисто. Ну да я и не ожидала, как говорят в западной Белории, «упаляваць дракона с першага стрэлу».

Два следующих дома я пропустила. В одном жила вдова с тремя детьми, во втором дряхлый старик и снимавший у него комнатку гном. Всех их я хорошо знала, обычные люди-нелюди. Ни к чему проделывать лишнюю работу, теряя время, которого и так в лучшем случае только на полгорода хватит. А вот мрачный особняк купца Блыги, где и днем частенько

мелькали какие-то подозрительные типы, я обнюхала с особым пристрастием, но обнаружила только схрон с контрабандными винами.

Часа через два я убедилась, что на западную окраину мои вороны не залетали. Проверить восточную или углубиться в город? Ясно, что все дома я осмотреть всё равно не успею, значит, нужно выбрать наиболее перспективные. В трущобы соваться нет смысла, от властей там что угодно можно скрыть, а вот от соседей. Ладно, чтобы не возвращаться, пробегу город насквозь, осмотрю особнячки в центре, потом окраину и сразу же перелезу через стену.

Ходить по ночному городу, особенно на четырех лапах, я не любила. Как по спящему вражескому лагерю, где любой случайно разлепивший глаза воин может поднять тревогу. Прижав уши, я боязливо, на полусогнутых, кралась вдоль стен, не забывая старательно поводить носом. Летом я вряд ли сумела бы что-то тут учуять, но мороз так качественно зацементировал содержимое сточных желобов, что уличные запахи меня почти не отвлекали.

Увлеченная вынюхиванием, я как-то совершенно упустила из виду, что ночью в городе вообще-то должно быть тише, чем днем. Шум, правда, нарастал постепенно и со всех сторон, но мою безалаберность это ни в коем случае не оправдывало. Хорошо еще, что в тот момент я находилась посередине длинного узкого проулка с глухими стенами и, увидев странное шествие в его конце, резко затормозила и припала к земле, притворяясь тенью сугроба.

Разве сегодня какой-то праздник? Народ всё топтал и топтал мимо проулка, по стенам и мостовой плясали отблески факелов. Да их там сотня, не меньше! И не только людей – наравне с ними семенили приземистые фигурки гномов, плавно скользили эльфы, широкоплечими глыбами возвышались тролли. Лица у недреманных горожан были, мягко говоря, неприветливые. Интересно, что это им не спится?

Увы, достойного повода завязать разговор я так и не придумала. Он появился сам, когда мельком брошенный в переулок взгляд столкнулся со случайным бликом моих глаз.

– Аааааа!!! Вон она!!!!

После секундного замешательства толпа ринулась в переулочек, как вода в пробоину плотины!

Я без раздумий развернулась и бросилась наутек. Поболтать, если что, и на бегу можно, да только сомневаюсь, что за интересными собеседниками будут гнаться с такими яростными воплями, потрясая всевозможными колющими и режущими предметами!

К концу проулка я так разогналась, что еле вписалась в поворот. У длинной, идущей под гору улицы был только один недостаток: двое невест откуда выскочивших и загородивших ее рыцарей из храмовой стражи. А этим-то что здесь понадобилось? Храм же совсем в другой стороне города!

Рыцари с бряцаньем сомкнули бока, выставив вперед мечи. Из прорезей вытянутых клиншками забрал, как из носиков закипающих чайников, струились воинственные парки.

Я оценила их доблесть, а пуще того – длину клинков, и честно попыталась затормозить, но обледеневшая мостовая оказалась не приспособлена для подобных маневров. Выпущенные когти только ухудшили дело, почти не замедлив скольжения, зато озвучив его пронзительным, противным скрежетом.

А, хуже всё равно не будет! Я вздыбила шерсть, став раза в полтора крупнее, а когда до пропорционально взгрустнувших рыцарей осталось сажени две, взвилась на задние лапы и распахнула пасть в изумившей меня саму помеси рева и нетопыриного хохота, дребезгом отозвавшейся в рыцарских щитах и ближайших окнах.

Рыцари переглянулись и пришли к выводу, что столь самоуверенная нежить наверняка неуязвима для простого оружия. Так зачем зря стараться?!

Увы, обледеневшая мостовая не делала различий между нарушителями и стражами порядка. Изобразив двух запертых в противоположных колесах белочек, убраться с дороги

рыцари так и не успели. Я сшибла их, как здоровенные железные кегли, разметала в стороны и, не прекращая выть уже от страха, понеслась дальше, всё набирая скорость.

В самом конце спуска божественная сила, до сих пор каким-то чудом поддерживавшая меня в вертикальном положении, умыла руки, и я хлопнулась на спину, задрав лапы. Так бы с ветерком через всю площадь и пролетела, но затормозить, пусть и не слишком мягко, удалось уже в ее центре. А, ладно, статуя «Эльф с луком» всё равно никому из горожан не нравилась! Особенно эльфам. Постамент-то уцелел, поставят какого-нибудь «Гнома с топориком» или «Тролля с кистенем», не переименовывать же Братскую площадь из-за такого пустяка!

Я неловко перевернулась на живот, кое-как поднялась и, пошатываясь, побежала дальше, припадая на порядком отшибленные подушечки задних лап. Крики за спиной (точнее, хвостом) не утихали, становясь всё громче и агрессивнее. Хуже того – к ним добавились такие же, хоть и более далекие, слева и спереди. Тишина справа настораживала еще больше, заставляя вспомнить облаву на волков с загонщиками и стрелками. Над крышами домов багровыми шапками разрасталось зарево от факелов; похоже, к ночной охоте постепенно присоединился весь город.

Я шумно выдохнула и с укоризной посмотрела на небо, не столько надеясь пристыдить так подгадивших мне богов, сколько прикидывая оставшееся до рассвета время. Пару часов от силы, до утра паника вряд ли уляжется. Ясно, что из Выселка мне уже не выбраться, а затаиваться на пустующем чердаке или в подвале рискованно, разгоряченная толпа обшарит подобные местечки в первую очередь.

А впрочем, на кой мне прятаться? Есть еще один вариант – главное, успеть туда хотя бы за пять минут до преследователей. Я решительно встряхнулась, завернула за угол и, привычно попетляв в узких улочках, выскочила из арки прямо напротив знахарской лавки. На двери висел здоровенный замок, но рассеянный хозяин обычно оставлял запасной ключ в невидимой снизу щелке над притолокой.

Я попятилась назад, в арочный мрак, и, осев на задние лапы, прижалась хребтом к стене. Закрыла глаза. Ну, давай же...

Назад – проще и быстрее. Особенно после полуночи.

...но снова – как в последний раз...

Нет, всё-таки – предпоследний!

Сюда переполох пока не докатился, и ставни, отдавая дань суевериям о вампирах и мриях, а также из-за банального мороза были плотно закрыты. Ну еще одну минутку потерпите, а?! Привстав на цыпочки, я дрожащей рукой пошарила над притолокой и, уже начиная тихо паниковать, нащупала ключ в самом углу. К тому моменту, как он, ржавый и погнутый, наконец-то пропихнулся в скважину, пальцы утратили всякую чувствительность. О том, что мне удалось-таки его повернуть, я узнала только по чуть слышному щелчку и отпавшей дужке.

Выдернув из петель мерзлый, липнувший к ладони замок, я, невзирая на спешку, предельно медленно и осторожно нажала на вычурную, сделанную из перекрученного корня ручку. Колокольчик слабо вякнул, в глубине лавки заскрежетала натягивающаяся веревка. Просунув руку в образовавшуюся щель, я разрядила ловушку (по крайней мере, очень на это надеюсь – установленный напротив входа арбалет при испытаниях насквозь пробивал деревянный щит) и бочком скользнула внутрь.

А уже захлопнув дверь и набросив цепочку, услышала топот ног в конце переулочка.

Нет, это была еще не толпа, как со страху показалось мне в первое мгновение. Всего трое человек, топочущих, как тролли, и звякающих, как сотня полупустых кошелей с медяками. Трущиеся друг о друга монетки – или звенья кольчуги. Стражники бесцеремонно заколотили в дверь соседнего дома, а когда в ней опасно приоткрылось окошечко, стали громко и раздраженно требовать немедленно впустить их для досмотра.

Вот тут-то ставни и захлопали! А я, забыв, что собиралась сползти по стенке на пол и немножечко там посидеть, приходя в себя, заметалась по комнате. Рывком распахнула один из навесных шкафчиков, сгребла флаконов, сколько в руках уместилось. Свалила на стол, выровняла перевернутые. Зубами раскупорила темный бутылек и уронила в ступочку тягучую, тут же задымившуюся каплю. Резко запахло мятой и пряностями, желудок подкатил к горлу. Ненавижу островные благовония, но клиенты почему-то уверены, что чем вонючее снадобье, тем оно действеннее. Даже одобренная этой пакостью вода расходилась десятками флаконов, пользуясь огромной популярностью у истеричных дам, по пять раз на дню изображающих потерю чувств.

Так, теперь – отодвинуть заслонку печи, прямо голой рукой нетерпеливо разворошить кучку еще тлеющих в середине углей и, подставив фитилек свечи, дунуть на обнажившийся жар. Лавка озарилась неуверенным, колеблющимся, а потом и ярким ровным светом – от двух масляных светильников по краям стола.

Всё!

Дверь содрогнулась от стука, больше смахивающего на удар тараном. Сейчас, сейчас, только в зеркало на всякий случай гля...

Идиотка!!!

Цапнула со стула свой рабочий халат, накинула прямо на голое тело. Ткань плотная, льняная, под ней и не разберешь, поддета рубашка или нет. Сорвала намотанную на швабру тряпку, еще сохранившую отдаленное сходство с моими старыми штанами. Ой, да-а-а... очень отдаленное... впрочем, кто там в полутьме приглядываться будет?!

Настойчивый стук перешел в *очень настойчивый*. Дверь прогибалась, как пергаментная. Да чем они там лупят – булавой, что ли?! И поди не открой, если замка снаружи нет!

– Кто там? – елеинным голоском пропела я, ошупью приглаживая и заплетая волосы в косу. Тут уже не до красоты, лишь бы дыбом не стояли!

Стук тут же прекратился, за дверью облегченно завздыхали.

– Госпожа Шелена, отворите! Это городская стража, проверяем все дома!

– А что случилось? – Левый тапок уворачивался от ноги, как живой, пришлось нагнуться и насадить рукой.

– Нежить какая-то по городу шастает, на кого ни попадя кидается! За ночь троих в клочья порвала, а четверть часа назад ее на соседней улице видели!

– Да у нас вроде бы всё в порядке... – удивленно протянула я, но дверь всё-таки открыла – честная горожанка, горящая желанием оказать любимой страже посильную помощь. Вот только кого ж это я разорвала-то, а? Надеюсь, сие еще девичья память, а не склероз?!

На пороге стоял рослый, плечистый стражник в грозно надвинутом до самых бровей шлеме, с мечом наголо. За его спиной маячили еще двое. Да-а, с такими кулаками в кольчужных перчатках и булав не надо!

– А что это вы ночью в хозяйской лавке делаете, а? – подозрительно сощурился стражник. Хм, мое имя он знает, а вот я его что-то не помню. Хотя запах знакомый. Наверное, один из клиентов.

Я постороилась, широким жестом обвела комнату:

– Работаю, как видите.

Стражник шагнул через порог и остановился, заметно смущенный знахарской обстановкой и ароматами. Один из его коллег, от нечего делать слонявшийся взад-вперед перед крыльцом, тоже сунулся посмотреть.

– Вон, вон она, гадина! – неожиданно заорал он, тыча мечом куда-то мне за спину.

Я удивленно оглянулась.

– Да не трясись ты у меня перед носом этой железякой! – Стражник раздраженно отпихнул перетрухнувшего напарника локтем. – Это же чучело, балда! Оно в этой лавке испокон веку стоит!

– Ага, стоит, а глазища-то так раньше не горели!

– Может, вы его на всякий случай конфискуете? – с надеждой предложила я, ибо хозяин уже не раз намекал – а не отвезти ли нам василиска к чучельнику, для реставрации? Под «нами» подразумевались мы с Дымком, поэтому я ограничивалась неопределенным хмыканьем. А так, глядишь, затеряется на городском складе – и с концами...

Стражник пригляделся к аршинному ящеру на толстенной подставке и неопределенно хмыкнул. Ясно.

– Неужто вы днем не наработались?

– Некоторые снадобья, – нравоучительно сообщила я, – изготавливаются в течение нескольких суток, требуя постоянного помешивания и присмотра, иначе результат будет весьма далек от задуманного...

Я наугад выхватила с полки одну из склянок и величественным жестом сунула стражнику под нос. Пример оказался не слишком удачным, зато эффектным – в квадратном флаконе, просвечивая сквозь мутную жидкость, плавала раздувшаяся жаба с вытаращенными глазами.

Стражник глянул на «снадобье» и приобрел удивительное сходство с его основным компонентом.

– Спа-а-асибо, гспжа Шелена, – пробормоталон, поспешно отворачиваясь и махая рукой коллегам. – Тут всё чисто, ребята, идем дальше!

«Заходите еще!» – чуть было по привычке не ляпнула я. Похоже, одного клиента знахарь лишился безвозвратно.

Стражники заколотили в соседнюю дверь. Я уже собиралась закрыть свою, но тут с противоположной стороны улицы показалась знакомая толпа. При виде стражников она разочарованно остановилась и начала на повышенных тонах выяснять у них, куда девалось чудище, перекрикиваясь с высунувшимися из окон зеваками и галдеть просто так.

Мне тоже пришлось разыграть жадное любопытство, тем более что в толпе оказалось несколько моих знакомых. Хлопать дверью у них перед носом было бы не только невежливо, но и странно.

– Эй, Карст, что здесь происходит?

Угрюмый гном протолкался поближе к крылечку. При поясе у него болтался серебряный кинжал, в руках зажата боевая секира.

– Да погань та следючая, вот что! – рявкнул он. – Уже и до города добралась, двух мужиков возле винокурни загрызла, печень выела и удрала. А час спустя прямо в корчму под мостом ворвалась, там человек десять сидели. Одному горло перервала – и в окошко, раму вместе со ставнем снесла! Бешеная, не иначе! Остальные стражу кликнули, гонца в храм послали и давай толпу собирать!

Я присвистнула. А вот это уже действительно любопытно! Так, значит, я просто подвернулась под чужую раздачу? У винокурни... Получается, мы вошли в город почти одновременно, с противоположных сторон. Н-да, зря всё-таки стены не обливают... Но что бы это могло быть? Неужели опять мой трехлапый знакомец?!

– А как она выглядела?

– Да уж увидишь – ни с кем не спутаешь! – нервно хохотнул гном. – Пастища – с руку, глаза зеленою горят, здоровенная, лохматая и, говорят, будто тумана клочок – то ли есть она, то ли нету, метнулась по корчме и сгинула, никто толком разглядеть не сумел!

Час от часу не легче... на клочок тумана вурдалак походил меньше всего. Хотя уследить за атакующей нежитью и в самом деле сложно, нужна немалая сноровка и крепкие нервы боевого

мага. Но чтобы десяток очевидцев перепутали красные глаза с зелеными... нет, тут что-то другое.

Толпа тем временем приняла решение и, всосавшись в соседний переулок, покатила дальше. Стражники с несколькими добровольными помощниками остались обыскивать дома.

– Шелена, ты ж закройся как следует! – крикнул на прощание Карст. – Метлу к ставню приставь, дверь столом подопри! Да вопи погромче, если что!

– Непременно! – Получив официальное разрешение, я наконец-то захлопнула дверь. Стол двигать, разумеется, не стала, но щеколду заложила и цепочку накинула.

Надо бы и в самом деле какое-нибудь зелье сварганить, чтобы оправдаться перед знахарем, если тот еще затемно прибежит проверять, всё ли в порядке с его лавчонкой. Во время таких «народных гуляний» всякое бывает: померещился внутри какой-то шорох, и готово – факел в крышу.

Н-да, вот уж вляпалась так вляпалась...

Глава 3

Хозяин пришел на работу даже чуть позже обычного, но всё равно воззрился на меня, как на привидение.

– Шелена?! Как ты здесь очутилась, городские ворота же с вечера на засовах?!

Я пожала плечами.

– А я из них и не выходила.

Вместе со знахарем в лавку впорхнуло снежное облачко – с рассветом на улице разгулялась нешуточная вьюга. Прекрасно, она заметет мои следы в лесу и под стеной, а в городе их и так уже давным-давно затоптали.

– Но я же сам лавку запираю!

– Ну да, – ворчливо отозвалась я, не отрывая взгляда от помешиваемой жидкости в плоском блюде над жаровней, – стоило мне к колодцу за водой выскочить, как уже замок висит!

– Ты же не предупреждала, что еще вернешься, – смутился хозяин. – И чего это тебе вообще взбрело в голову здесь ночевать?

Я приподняла лопаточку, за которой потянулись вязкие коричневые нити. Еще пару минут – и можно снимать с огня.

– Да я уже уходить собиралась, клиент на пороге поймал. Уговорил лепешечки из дягиля и драконьего корня к утру приготовить. – И словно бы нехотя, для достоверности, «призналась»: – Обещал заплатить вдвое.

– Ну-ну... – Хозяин, пристукивая пальцами по столешнице, обошел вокруг меня, скептически заглянул в блюдо и неожиданно рявкнул мне на ухо:

– Шелена, кого ты пытаешь обмануть? Думаешь, я не знаю, где тебя мракобесы по ночам носят?!

Как из арбалета в упор выстрелил.

– И где же? – помертвевшим голосом спросила я, только что не наклоняя голову посмотреть на дырку от «стрелы».

Знахарь обличительно потряс у меня перед носом корявым пальцем.

– Ты завела пашни с кем-то из горожан и бегаешь к нему, а то и таскаешь этого развратника сюда, в мою лавку!

– Но... – У меня вырвался нервный смешок. А почему бы и нет? Для молодой девушки этот повод выглядит куда правдоподобнее, чем какое-то снадобье. – Неправда, никого я сюда не вожу! А если бы даже и водила – вам-то что с того?

– Ага! – возликовал знахарь. – Выходит, водишь-таки! И кто этот бедолага?

Я молча ухватила блюдо полотенцем и переставила на подоконник немного остудить – из щели под рамой, хоть и законопаченной, тянуло холодом. Хозяин, прочитав мне вдохновенную лекцию о нравах современной молодежи (я не отвечала, но и не возражала, окончательно подтвердив его подозрения насчет ночных гулянок), пришел в превосходное расположение духа и, негромко насвистывая, устроился за вторым столом заполнять книгу прихода-расхода.

Я потрогала пальцем смолистую массу в блюде и, решив, что уже не обожгусь, быстренько налепила из нее с полсотни плоских пилюлек. Если не найду, кому продать, просто высыплю в снег по дороге домой и рассчитаюсь с хозяином из своего кармана.

Будем считать это платой за мою ночную глупость.

Дверь бестолково задергалась туда-сюда, потом наполовину приоткрылась, явив плотно обтянутый шубейкой зад. Сгорбленный перед был занят двумя бугристыми торбами, не выпущенными из загребущих рук даже ради дверной ручки. По всей видимости, Шалиска завернула к нам на обратном пути с рынка.

Кое-как протиснувшись сквозь дверной проем, бабка бухнула торбы на пол и, с кряхтением разогнувшись, повернула ко мне румяное личико с сияющими глазами. Город стоял на ушах, захлестнутый слухами один чуднее другого, и Шалиска блаженствовала, как дорвавшийся до дохлого дракона стервятник.

– Слыхали?! – прямо с порога начала она. – Страсти-то какие деются! Уже и посередь города от волкодлаков спасения нетути! Прямаж хоть ты на улицу носа не кажи!

«Попробовал бы кто тебя дома удержать, – мрачно подумала я, – потом бы полгода на наши снадобья работал!» Но почему именно волкодлак, то бишь оборотень? Не вурдалак, не жмырь или еще какая трясца? Из-за меня? Но ведь ту тварь тоже видело немало людей, причем в освещенной корчме, а не мельком в переулке...

Бабка, не спросясь, плотненько обосновалась на стуле. Знахарю ничего не оставалось, как предложить ей чаю и пяток уже с месяц валявшихся в шкафчике сушек, отказаться от которых Шалиска и не подумала. Одну она старательно макала в чашку, а остальные между делом поштучке перетягала в карман. Впрочем, есть ей было и некогда – рот у нее не закрывался ни на секунду.

Слушала я ее не то чтобы вполуха – в одну десятую. Тогда число жертв и сопутствующих охоте убытков вроде уроненного на ногу камня или по ошибке отмутуженного пьянчуги (которого угораздило предстать перед согражданами на четвереньках и в волчьей шубе) хотя бы приблизительно соответствовало истине. Впрочем, в бабкиной болтовне проскользнула и дельная информация: городские ворота уже с час как открыты, хотя стража при них усилена вдвое.

– Так всё-таки поймали они волкодлака? – удивился знахарь.

– Не-а, утек... – с кровожадным сожалением протянула бабка. – Зато прознали, кто это был!

Вернее, нашли козла отпущения. Кого, интересно? Шалиска только и ждала, когда я вопросительно подниму на нее глаза.

– А колдуна того белоглазого с окраины помнишь? Сразу он мне не понравился, с первой же минуточки, как я его той весной на нашей улице увидала! Я тогда соседке так и сказала: «Помяни мое слово, Щупишна, наплачемся мы ишшо от него!» Вот оно по-моему и вышло!

Ого! Я снова уткнулась взглядом в ступку, чтобы не расхохотаться бабке в лицо.

Глаза у Вереса были самые обыкновенные, серо-сине-зеленые. Иногда – светло-серые, иногда – серо-голубые. Один раз, в солнечный денек, я подловила его на чисто-голубых. Но в сочетании со смуглой кожей и черными волосами они казались прозрачными, как озерная вода. Для колдуна – самое то. Теперь, как выяснилось, и для «волкодлака».

Интересно, что и кому сказала Шалиска после первого взгляда на меня? Наверняка подстраховалась, чтобы потом вот так же торжествующе покаркать!

– Так его же мужики еще осенью дубьем забили, – равнодушно отозвалась я, мерной ложечкой зачерпывая из банки с толченой ивовой корой.

– Забьешь эдакое паскудство, держи карман шире! Тела же так и не нашли, небось отлежался и убег! Волкодлаки – они живучие, куда голову заступом не отрубишь, толку не будет!

– Проще всего, конечно, отсечь ей голову. Но если у тебя только один меч, выдерживать его слишком рискованно. К тому же профессионал тем и отличается от любителя, что знает несколько путей достижения цели. У оборотня есть еще около десятка уязвимых точек. Вот возьми мой охотничий нож и сбегай во-о-он к тому осинничку...

Я поймала себя на том, что машинально прижимаю левую ладонь к середине груди чуть пониже ключиц. Шалиске этот жест неподдельно польстил – ага, до самого сердца бабкин рассказ пробрал!

Верно. До сердца.

Я отдернула руку, досадливо тряхнула головой и раскупорила вторую баночку.

– А утром было нам знамение великое, – непробиваемым речитативом частила Шалиска, – токо-токо рассвело, как посередь ясного неба откель ни возмись выпал на площадь град из ворон колелых! Да не просто на лету издохших, а еще и насквозь в единый миг просмердевших!

Порошок сыпанул мимо чашки. З-з-зараза... Ну конечно, собственноручно выгребать падаль из клетки «добычливый» ловец не стал – поскорее телепортировал куда подальше.

– И что же они знаменовали? – чуть более раздраженно, чем следовало бы, поинтересовалась я.

К счастью, Шалиска отнесла и это, и мое предыдущее злобное шипение на счет запорошенной столешницы.

– Сам верховный дайн из храма Икорена Всевидающего прибежал на божий знак поглядеть, уж он-то нам его без запинки растолковал! Дескать, погрязли мы в грехах, аки воронье пустоголовое, что единым мигом живет, и ежели помрем ненароком, то так же наши души смердеть будут, и заказан им ход на небеса до скончания веку...

– То-то очередь в храм на полгорода растянулась, – скептически фыркнул хозяин. – Спешат души на всякий случай простирнуть, по серебрушке с носа. Этот верховный дайн, кстати, раньше зазывалой в ярмарочном балагане работал, мы с ним вместе карьеру начинали – я там рядышком приворотными зельями с лотка торговал... эх, славное времечко было... – Знахарь мечтательно потербил бороденку и тут же спохватился: – А ты не отвлекайся, Шелена, тебе еще до обеда надо Храйку иссопные капли отвезти, а то потом придется по корчмам его искать! Где, кстати, кляча твоя?

– У Карста оставила, – буркнула я, осторожно сметая порошок маковкой выуженного из чернильницы пера. – Здесь же сарая нет, так что, бедной коняге всю ночь у крыльца мерзнуть?

А, чтоб вас всех! Допустим, к Храйку на другой конец города я и пешком за полчаса доберусь... но в чем?! Ни сапог, ни кожиха... И Шалиска в той же стороне живет, небось надеется, что я ей компанию составлю, кошелки подвезу. Прощаться и не собирается: завела очередную байку, а хозяин от нечего делать поддакивает.

Я уже продумывала красочную душещипательную историю с неожиданным возвращением чужой супруги из гостей и моим поспешным нагим бегством через окно, дабы спасти честь одного почтенного горожанина (ох, такого лакомого кусочка Шалиске давненько не перепадало, к вечеру все давеча отлучавшиеся женушки мужьям взбучки устроят и надолго со мной здороваться перестанут!), когда в дверь постучали. Я отложила пест, охотно воспользовавшись случаем отсрочить «покаяние» еще на пару минут.

Хм, это уже становится забавным! Не успел облегченно вздохнуть, как тут же возмущенную рожу скорчил: «Ну где ж ты всю ночь шлялась, дрянь эдакая, вечно из-за тебя какие-то проблемы!»

– Вот мастер велел передать, – Рест неловко сунул мне сверток из кожиха, сапог и штанов. Видимо, рубашка тоже где-то внутри. – И... спросить, всё ли в порядке.

– Спросил? – в тон ему, то есть весьма нелюбезно, уточнила я. – Ну так и вали отсюда! – И захлопнула дверь.

– Кто там, детонька? – мигом оживилась бабка, заслышав незнакомый мужской голос. Нет уж, не будет тебе сегодня поживы!

– Посыльный от портного мой кожих принес, я его в починку отдавала. – Вернувшись к столу, я небрежно свалила вещи на соседний стул, кожихом кверху. Украдкой одернула полу, прикрывая торчащую пятку сапога.

– Так энтот же кожих, кажись, ишшо вчера на тебе был? – подслеповато (но, насколько я ее знала, зорче ястреба!) прищурилась Шалиска. Уууу, ведьма старая, где ж ты умудрилась меня высмотреть? Не у городских ворот, надеюсь?

– Вечером порвала, сразу портному и отнесла.

– И как же это тебя угораздило, милая? – фальшиво заохала бабка.

«Забыла снять перед превращением!» – чуть не брякнула я в сердцах.

– Поскользнулась и упала.

– Бывает, бывает, – разочарованно протянула Шалиска. – Так вот! А колдуна-то ищут! Стража по улицам ходит, высматривает, расспрашивает – может, видел кто...

Ну, не сказать, чтобы они так уж старались. Двое позевывающих парней в кольчугах как раз неспешно, вразвалочку шли по нашей улочке, куда целеустремленнее глядя на корчму в ее конце, чем по сторонам.

– ...ежели не его самого, так хоть ученика евонного. Я-то сама его не видела, но Кракова свояченица сказывала – такое же мракобесье отродье, ишло и с глазом дурным. Как глянул на ее корову, так та через два месяца и сдохла!

Охотно верю. Этот паршивец кого угодно в гроб вгонит!

Я распахнула окошко. Мальчишка, руки в карманы, ссутулившись, брел навстречу стражникам, злобно подбивая ногой сероватую ледышку. Хорошо еще, что он на минутку задержался на крыльце, в благоразумном молчании показывая двери неприличные знаки, иначе уже столкнулся бы с патрулем лоб в лоб.

– Эй, племянничек! – ласковым голосом подманивающей мышь кошки окликнула я Реста. Тот аж споткнулся. Недоверчиво уставился на меня через плечо. – Иди сюда, милый!

Парнишка, не двигаясь с места, продолжал тарашиться на свежеиспеченную «тетушку». Стражникам до него оставалось шагов десять.

Если сейчас же не подойдет, сама убью поганца!

Рест медленно развернулся и пошлепал обратно к крыльцу. Стражники, переговариваясь, равнодушно прошли мимо. Один, правда, скользнул взглядом по мальчишечьей спине, но таблички «ученик колдуна» там не болталось, а лица он, к счастью, рассмотреть не успел.

Я распахнула дверь и буквально вдернула его в лавку. Еще упереться на пороге попытался, щенок! А это тебе как?!

– Родненький ты мой! А я уж вся испереживалась, как вы там без меня! Мамка-то в порядке? Не скребся к вам ночью в дверь никто?

Рест только обреченно пискнул, сдавленный в стальных объятиях оборотня. Между слезными речами и жаркими поцелуями я ощутимо цапнула его зубами за ухо, прошипев:

– Только ляпни что-нибудь мне наперекор!

И, напоследок стиснув до хруста в ребрах, выпустила.

Паренек икнул, ошалело огляделся и, заметив посторонних людей, придержал свой дурной язык за зубами. Только угрюмо вытер щеки рукавом.

– С характером, весь в меня! – с гордостью сообщила я хозяину с Шалиской, покровительственно вздохматив Ресту макушку. – Сестра моя в прошлом году овдовела, хозяйство вдвоем с мальчонкой не вытянули, корову за долги пришлось продать, вот я их и пригласила сюда перебраться, в городе-то работа всегда найдется. Уже вторую неделю у меня живут.

Шалиска, добрая душа, аж пустила слезу и сунула Ресту последнюю оставшуюся на блюде сушку, сбоку слегка погрызенную мышкой.

– Ах ты сиротинушка горемычный! Тебя как звать-то? – Мальчишка быстро, внимательно окинул взглядом всех четверых – меня, бабу, знахаря и сушку... внезапно скучился и тонким голосом деревенского дурачка проблеял:

– Реська, бабушка!

Достал из кармана грязный обрывок не то тряпки, не то выделанной кожи и начал бережно заворачивать в нее щедрый Шалискин дар, приговаривая:

– Вот спасибо, будет мамке гостинец!

Знахарь, до сих пор глядевший на мальчишку с благодушным интересом, сдвинул брови и полусуто-полусерьезно уточнил:

– А ты тетушке по хозяйству помогаешь? Не обижает она тебя?

– Что вы, господин! – Рест, испуганно вытаращив глаза, повернулся ко мне и, размашисто крестясь, начал отвешивать земные поклоны, да так рьяно, что храмовые иконы бы обзавидовались. – Благодетельница! Всегда у ней для сироты мерзлая свеколка аль картофельная кожура найдется! Сварю себе в котелке, хлебца черствого покрошу – и хвала богам, еще один день прожит!

Ах ты, гаденыш! Так вот по каким рецептикам ты нам ужин готовишь?!

Рест полез целовать мне руку. Я поспешно ее отдернула, да он не слишком и старался поймать. Бабка и знахарь смотрели на меня, как тот стражник на «снадобье».

– А матушка твоя чем сейчас занимается? – вкрадчивым, приторным до оскомины голосом поинтересовалась Шалиска.

– Мамка-то? – Паренек с туповатым видом поскреб макушку – как нарочно, не слишком чистую. Влез в какую-то паутину с сором – небось по чердаку шастал, проверял, не забыла ли я где-нибудь в уголке одну из «суповых» птичек. – А мамка шерсть прядет! Вот поспала часок на рассвете и снова за веретено взялась! Негоже, говорит, у тетушки на шее сидеть, мы ей за ее доброту и так по гроб жизни обязаны, да она и сама нам об этом каждый час напоминает...

Рест с собачьим обожанием уставился на меня, но под ответным взглядом очень быстро скис – на тех, кто собирается жить долго и счастливо, так не смотрят. В комнате повисло тягостное молчание. Потрясенная Шалиска даже не стала выпрашивать, из какой деревни приехала «сестра» и откуда она вообще у меня взялась, если до сих пор я не обмолвилась о своей родне ни единым словом. Хозяин делал вид, что поглощен ревизией склянок на средней полке, но гневное сопение мне определенно не льстило.

Я, сбивчиво пробормотав, что поеду, пожалуй, развезу снадобья, под прикрытием распахнутой двери шкафа быстренько переоделась, распахнула по карманам флаконы с подвязанными к горлышкам бирками и рванула из лавки еще быстрее, чем ночью стремилась в нее попасть. По пути, впрочем, не забыв прихватить под локоток вздрогнувшего «сиротинушку».

Бабка и знахарь так ни слова и не сказали, из чего я заключила, что Шалиска как-нибудь дотащит свои торбы и сама, а мне сегодня можно уже не возвращаться.

Во дворе мальчишка попытался гордо вырвать руку, но жестоко разочаровался.

– Только дернись еще раз, – процедила я, не разжимая ни зубов, ни стиснутых на его запястье пальцев. Второй рукой накинула ему на голову капюшон, еще и натянула, чтобы лицо до самого носа прикрыл.

– И что тогда будет? – с вызовом вякнул щенок.

– Много чего будет. Солнце. Снежок. Город. Спроси лучше, чего не будет. Кого, вернее.

Видимо, сам догадался. До дома Храйка мы дошли в гробовой тишине. Пару раз разминулись со стражниками, но те лишь здоровались со мной, а узнав, что покорно плетущийся рядом мальчишка – мой родич из села, немой и вообще в детстве регулярно падавший с печки, теряли к нему всякий интерес.

– Куда ты меня тащишь? – наконец не вытерпел Рест. Я и сама задалась этим вопросом, потому что Храйка дома не оказалось. Запечатанная заклинанием дверь голубовато светилась по контуру. Тут простой отмычкой не обойдешься, нужен именно тот ключ, которым закрывали. Стоила эта магическая услуга недешево, но быстро себя окупала – все воры почему-то уверены, что в жилищах менестрелей есть чем поживиться, и чуть ли не плечами пихаются, чтобы в этом удостовериться.

Поразмыслив, я отправилась в свою любимую «Волчью пасть». И не прогадала, уже с порога заметив ярко-рыжую шевелюру вальяжно сидящего на краю стойки полуэльфа. Стульев Храйк принципиально не признавал, предпочитая возвышаться над остальными посетителями – как в моральном, так в самом обычном смысле слова. Дескать, «дабы чудесное искусство песнопения не встречало на своем пути никаких преград».

По правде сказать, высокомерия у Храйка хватило бы и на целого эльфа. Но пел он и в самом деле изумительно, а посему в корчме сегодня было не протолкнуться.

– Жди меня здесь, – решила я. В «Волчьей пасти» колдуна и его ученика слишком хорошо знают, а корчмарь, при всей его страсти к рунам, шкурам и хвостам, отчаянно труслив и тут же пошлет кого-нибудь из девок за стражей. – Да не по сторонам глазей, а вон туда, к коновязи отойди, где слуги обычно стоят!

Тут же снова взъерошился:

– Я тебе не слуга!

– Значит, постоишь за коня, – невозмутимо согласилась я, разжимая руку и захлопывая дверь. По стеночке пробралась к ближайшему углу корчмы.

– Подать что-нибудь, Шеленка? – шепотом поинтересовался корчмарь, оттесненный менестрелем на противоположный конец стойки.

– «Драконья кровь» есть? Отлично.

Я сначала погрела руки о кружку, потом отпила глоток горячего вина с пряностями. Храйк только-только перевалил через середину «Легенды Лебединого плеса», а уже начатую песню он никогда не прерывал. Особенно ради какой-то помощницы знахаря. Впрочем, я никогда не отказывалась послушать красивую печальную музыку. Слова же чуток подкачали – по мне, объяснение в любви к русалке совсем не обязательно растягивать на семь куплетов. Лично я бы уже в конце третьего широко зевнула и нырнула обратно.

Русалка наконец-то уяснила, чего от нее хотят, – или влюбленный рыцарь выдохся. Во всяком случае, она подплыла-таки поближе, и закончилась песня весьма шаловливо.

Слушатели дружно заплодировали, в резную шкатулочку полетели монеты. Полуэльф грациозно спрыгнул со стойки, передвинул висящую на груди лютню под мышку и, привычно придерживая ее локтем, чтобы не бряцала, подошел к нам. Корчмарь уже держал наготове кубок с золотистым дриадским вином, который Храйк прихватил не глядя, как само собой разумеющееся.

– Принесла? – Сейчас, когда он повернулся ко мне лицом, стала видна пересекающая лицо черная повязка и длинная затейливая сережка-дракончик в левом ухе. От его мочки до переносицы тянулся широкий шрам от когтя рыжей лесной кошки, заставляя Храйка с особой бережностью относиться к уцелевшему правому глазу. Здоровый мужчина вряд ли бы даже обратил внимание на такое легкое воспаление век – скорее всего, от холода и ветра.

Я, тоже не слишком торопясь и разводя любезности, порылась в кармане и выставила на стойку пузатый бутылек.

– Надеюсь, сама готовила?

Эльфы и полуэльфы лишь издевательски ухмылялись при виде соловьем разливавшегося на пороге лавки знахаря: мол, исцелим всех и от всего, с большей гарантией только у святых! К его огромному сожалению, эта раса слишком хорошо разбиралась в снадобьях, чтобы им можно было всучить подкрашенную воду или гнилую чемерицу. А посему настойка на семи травах из моих личных запасов имела мало общего с простым отваром позапрошлогоднего иссопа, который я, когда хозяин отвернулся, выплеснула в помойное ведро.

– По две капли три раза в день. А на ночь вообще хорошо бы примочку сделать.

Храйк, кивнув, бросил на стойку два золотых, хотя сговаривался с хозяином за один. Но, против обыкновения, не вернулся в зал, а облокотился на стойку рядом со мной. Махнул корчмарю, чтобы тот повторно наполнил кубок.

– Я был в «Посошке», Шелена.

– Что? – не сразу сообразила я.

– Ночью, – пояснил менестрель, – когда туда ворвалось чудище.

Я по-прежнему ничего не понимала. Храйк не из тех, кто любит потреть язык, даже чтобы выплеснуть кошмарное воспоминание и успокоить нервы. Да и не больно-то его испу-

гаешь. Я видела, как пьяный наемник, усмотрев во фривольной песенке какой-то намек на его дорогую матушку, кинулся на Храйка с двуручным мечом. Полуэльф с непроницаемым лицом подпустил громилу на расстояние локтя, а потом просто шагнул в сторону, так что меч рассек стол на две половины и глубоко вонзился в пол. Потом еле его оттуда выдрали.

И это – не переставая играть, причем даже не сфальшивив!

– Оно размером с полугодовалого теленка, – невозмутимо продолжал полуэльф, подкручивая колки лютни. – Острая волчья морда, горбатая холка, длинный хвост и лапы. Ярко-зеленые глаза. Шерсть не то пепельная, не то полупрозрачная, густая и лохматая, но почти не развеивается – выходит, довольно жесткая. Двигается не сказать чтобы молниеносно, но очень быстро. Почти как оборотень. Когти есть, и солидные, однако атакует пастью, хотя предварительно норовит повалить и подмять под себя.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – не выдержала я.

– Предупреждаю. Вдруг да пригодится.

– В смысле?

Полуэльф только снисходительно усмехнулся. Залпом допил свой кубок, сунул пузырек в карман и – ни спасибо, ни до свидания – прошел на середину корчмы, устроившись уже на столе возле хорошенькой, мгновенно зардевшейся девицы.

Я, пожав плечами – леший этих эльфов и иже с ними разберет! – сгребла монеты, бросила серебрушку корчмарю и направилась было к выходу...

...но остановилась на пороге. Храйк приласкал пальцами нежно отозвавшуюся лютню и почти сразу же запел, вплетая голос как еще одну струну:

Ей отмерено время
Между светом и тьмою...
Непосильное бремя —
Оставаться собою,
Быть ни тем и ни этой,
Но обоими сразу.
Ни живой, ни отпетой,
Лишь по сердца приказу
поступать. Даже если
Разорвут его в клочья
Те, кто день славят песней,
Те, кто шастают ночью.

– Эй, девка, ты туда или сюда?! – грубо пихнул меня в бок какой-то тролль, даже не удосужившись подождать, пока я услышу вопрос и уберусь с дороги. Я стряхнула наваждение. Да нет, откуда он может знать! Какая корчма, такой и репертуар. Куда страннее было бы услышать похабную балладу о трех плещущихся у запруды вдовушках и опрометчиво покусившемся на них водяном, коронный Храйков номер в «Пивной речке».

Но окончание песни опередило-таки хлопнувшую за моей спиной дверь.

Мало тех, кто поймут
Сумрак... Тех, кто поверят —
Он не враг, и ведут
В обе стороны двери.
...Кем – не знаю ответа —
Суждено ей когда-то
Стать? Весенним рассветом —

Или зимним закатом?..

Проклятье. Я могла поклясться, что Храйк, отведя руку от постепенно затихающих струн, пристально, смотрит мне вслед. Как и с самого начала песни.

Нет, ну вы только гляньте на это горе! Стоит! Ждет, как миленький! Аж настроение поднялось. Чья-то ворона «в чулочках» кобыла с удовольствием хрупала Шалискину сушку. Увидев меня, Рест на пару секунд замешкался, и лошадь, облизнувшись и обнюхав его пустую ладонь, досадливо ее куснула. Мальчишка ойкнул от неожиданности и в сердцах ткнул неблагодарную скотину локтем в бок. За что чуть было не схлопотал еще и копытом.

– Идем, – сухо бросила я, проходя мимо.

Выждал, сколько, по его мнению, необходимо для сохранения достоинства, и будто бы случайно нагнал меня уже в конце улицы, пристроившись слева и чуть сзади. Похоже, и сам почувствовал что-то неладное – больше ни о чем не спрашивал, не отставая и не откидывая капюшона. Последнее в такую погоду удивления не вызывало: метель чуток поутихла, но прекращаться не думала, старательно выбеливая мостовую, а заодно и прохожих.

Все остальные клиенты жили по пути к западным воротам, зигзаг в одну-две улочки не в счет. Когда я рассчиталась с последним, до едва приоткрытых (а не распахнутых, как обычно, во всю ширь) створок оставалось рукой подать.

– Ты-то как через ворота прошел? – спохватилась я, глядя, как стражники с пристрастием допрашивают изрядно перетрухнувшего оборванца примерно одного возраста с Рестом. Рядом, смиренно сложив руки на груди, стоял не вступающий в разговор, но активно прислушивающийся дайн. Позабытое чучело в башне печально позвякивало кольчугой на ветру.

– А я через щель в стене пролез, – неохотно отозвался парнишка. – Во-о-он там, напротив дома с желтой крышей.

– Показывай.

В принципе я могла совершенно открыто выйти из ворот да и щель ту вроде бы когда-то видела – узкая и низкая, только мальчишке и протиснуться. Но зачем-то пошла вместе с Рестом, и интуиция меня не подвела. Еле за плечо успела «племянничка» придержать, предостерегающе прижав палец к губам.

За сугробом возле лаза кто-то стоял. И серебра при нем было куда больше, чем люди обычно тягают в кошельках. У меня аж мурашки между лопаток побежали, ночью бы загрибок дыбом встал. Маг? Или простой наемник с заговоренным мечом-арбалетом? Подойти поближе я не рискнула. Распознать-то во мне оборотня он не распознает, но немедленно заинтересуется, что такой приличной с виду девушке понадобилось в заснеженном бурьяне у стены.

– Назад, – одними губами шепнула я, подавая пример беззвучного отступления. А снова очутившись на мостовой, крепко призадумалась. Бесконечно прохаживаться туда-сюда вдоль ворот опасно, надо или идти к другим, или рискнуть у этих, пока насторожившиеся стражники сами к нам не подошли.

Но пока я собиралась с духом, нас обогнала карета, запряженная нервной рыжей лошадью. Когда кучер натянул поводья, она заплясала на месте, мотая головой и с хрипом грызя удила, требуя поскорее снова тронуться в путь. На одном из окошек раздвинулись занавески, и украшенный увесистой печаткой палец величаво поманил начальника разом вытянувшейся по струнке стражи. Даже дайн согнулся в почтительном поклоне – ссориться с градоправителем не хотелось никому.

Я машинально отколупнула от сугроба кусок слежавшегося снега и начала катать его в ладонях. Увы, разобрать, о чем говорят у кареты, не удавалось – слишком далеко и тихо. Но голос у стражника был виноватый, а у градоправителя – резкий и недовольный. Выходит,

никого они пока не поймали и ничего не разузнали. Н-да, не хотелось бы улучшать им статистику...

Карета дернулась. Кучер прикрикнул на непоседливую кобылку, но та только прижала уши, еще чаще перебирая ногами, так что ему пришлось спрыгнуть на землю и, подойдя к лошадиной морде, умиловать ее кусочком сухаря. Это ж додумались – лошадь для почтовой кареты в обычную запрячь! Видать, не терпится градоправителю волкодлака изловить, носится через весь город от одних ворот к другим. Теперь настропаленные им стражники любому прохожему допрос с пристрастием устроят, не то что моему «племянничку».

Я в сердцах размахнулась и метнула увесистый, подтаявший в варежках снежок в давно мозолившую глаза цель. Мальчишка, забывшись, восхищенно присвистнул – белый комок взвился под самую башенку. Сам он и до середины бы не добросил.

А я еще и попала.

Чучело вздрогнуло и медленно наклонилось к перилам, как будто заметило внизу что-то подозрительное и попыталось получше его разглядеть. А потом и собственноручно задержать, сорвавшись в полет по красивой дуге.

Сооружая недреманного стража, караульные постарались на славу. Во всяком случае, в полете чучело не развалилось, а, дребезжа доспехами и свистя мечом, прям так и рухнуло на кучерское место. Карета качнулась, испуганная лошадь присела на задние ноги, изумленно оглянулась и пришла к выводу, что и так уже слишком тут задержалась. Кучер отлетел в сторону, как пушинка, бросившийся ему на помощь дайн уздечку перехватить не успел и сдуру вцепился в оглоблю, которая, не выдержав его веса и удара копытом, разломалась пополам. Почувствовав себя свободнее, кобыла прицелилась получше, и божий служитель вверх тормашками застрял в сугробе.

– Держите лошадь, олухи! – приоткрыв дверь, заорал позабывший обо всяком достоинстве градоправитель. Лучше бы он сначала выпрыгнул! Услышавшая сии крамольные речи лошадь рванула с места, пока не поздно, и высокому начальству оставалось только поспешно захлопнуть дверцу, чтобы кубарем не вылететь на обледеневшие камни или вообще под колеса.

Стражники, стряхнув первое оцепенение, кинулись исполнять приказ. В ближайших переулочках тут же начали скапливаться привлеченные криками и грохотом зеваки. Да я бы и сама с удовольствием поглазела, кабы не дела! Уцелевшая оглобля заставила кобылу нестись по широкому кругу, как на скачках, где эта скотина, несомненно, взяла бы главный приз, потому что ни догнать ее, ни перегородить ей дорогу остальным участникам «забега» пока не удавалось. Хотя они, подстегиваемые воплями градоправителя, очень старались.

– Пошли, – велела я, открыто направляясь к воротам. – Да не побежали, дурень! Неспешно и степенно, как очень честный человек или очень наглый волкодлак!

Я еще и задержалась возле караулки, со скучающим видом прислонившись к стене, если кому-то из стражников не вовремя приспичит оглянуться. Что ж, пусть допрашивают, пока мальчишка отбежит на безопасное расстояние – ишь, припустил к леску, как заяц!

Но караульные так увлеклись отловом градоправителя, что оборотень решил не занимать их драгоценное внимание и подойти как-нибудь в другой раз.

Я догнала Реста уже посреди редкой березовой рощицы, постепенно переходящей в еловый бор. Оглянулась на город, убедилась, что отсюда нас никто не заметит, и решительно стащила варежки. Резкий взмах – и мальчишка кубарем полетел в сугроб.

– Вот тебе свеколка!

Гневно вякнув, попытался вскочить, но получил сапогом под зад и снова растянулся на снегу.

– Вот тебе картошечка с хлебцем!

Приподняла за шкурку и хорошенько помакала мордахой в сугроб, как нашкодившего щенка в лужу. Мальчишка извивался, фыркал, отплевывался, но молча. Ах, хочешь в нестигаемого героя поиграть? Без проблем, вот тебе еще в копилку подвигов!

Выпустила, только когда затих. Постояла рядышком, выравнивая дыхание и варежкой отряхивая испачканные в снегу колени.

– Вставай, хорош уже прибедняться.

Еще минутку поизображал великомученика, потом медленно зашевелился, поднялся и, не глядя на меня, стал приводить себя в порядок. Лицо красное, челка мокрая, гнилая шнуровка куртки порвалась у ворота, за шиворот набились снежные комья. Где он вообще эти обноски раздобыл? Чье-то пугало раздел?

– Надеюсь, понял, за что влетело?

Даже не соизволил подать виду, что услышал. О да, конечно, понял! За то, что я сильнее и вообще на редкость зловредная баба!

– Не угадал. За то, что путаешь мужество с тывканьем из-за угла. А месть – с глупым, бездарным и бесцельным мелким шкодничеством. Учись играть по взрослым правилам, щенок. Хотя бы у своего мастера, если я тебя не шибко вдохновляю.

Ага! Вот теперь мальчишка пригорюнился всерьез. Сообразил, что Верес его за такие номера тоже по головке не погладит.

Я поправила капюшон и повернулась к логову. Звать мальчишку не стала. Из города я его вывела, а дальше пусть куда хочет идет. Захочет прогуляться, в сердцах деревья палкой подубасить, мою наглую морду представляя, – на здоровье. Всё равно никуда от своего учителя не денется, к вечеру прибежит как миленький.

С четверть версты Рест и в самом деле топал за мной на почтительном расстоянии, но в том же темпе, чтобы не упускать меня из виду. Лесного зверья он определенно боялся больше.

Потом шаги стихли. Я, хоть и зареклась обращать на щенка внимание, не удержалась и обернулась.

Паренек сидел на корточках, уставившись на снег. Ну что там еще?! Ругая себя предпоследними словами (последние достались Ресту, с колдуном за компанию), я вернулась. Скептически присмотрелась... и только сейчас сообразила, что глубокие вмятины, через которые я рассеянно переступила несколько минут назад, – отпечатки чьих-то лап с круглыми подушечками и тремя когтистыми пальцами. Они были не просто крупными – огромными, с лихвой перекрывая не только мужскую ладонь, но и ступню. Какого же размера должна быть оставившая их тварь?!

«С полугодовалого теленка», – всплыло в голове. А следы-то совсем свеженькие, едва до середины заметенные! Я вздрогнула и, подняв голову, закрутила ею по сторонам. Ресницы тут же облепило снежинками, одна нахально залетела в приоткрытый рот. Да нет, ерунда, я бы любого зверя за сорок шагов почуяла, нежить вообще за сто!

Опустившись на колени напротив мальчишки, по другую сторону отпечатка, я принялась и, едва касаясь варежкой, начала осторожно разгребать верхний слой снега. Так и есть. Рядом со следом обнажилась алая бусинка, другая, третья... чуть поодаль отыскался целый сгусток. Тварь была ранена и, кажется, довольно серьезно. Уж не тем ли типом, что затаился у ограды? Почему же тогда он не пошел ее добивать? Хорошо, если она к вечеру издохнет где-нибудь под кустом, а вдруг отлежится и через недельку вернется еще более разъяренной?

Рест, нахмурившись и беззвучно шевеля губами, пытался во всех направлениях замерить след расставленными большим и указательным пальцем, но получалось неважно – полностью отпечаток почти нигде не вмещался, а на целое число не делился. Тоже мне боевой маг! Хоть бы осмотрелся, прежде чем в находку утыкаться. Даже меня, кажется, не заметил.

– Знаешь, кто мог оставить такие следы?

– Нет. Запомню их как следует и спрошу у мастера. – Порывшись в кармане, я вытащила заостренный кусочек графита и аккуратно сложенный кусок пергамента. Я уже успела исписать его памятками с двух сторон, но почеркать поверх он вполне годился.

– На, перерисуй, пока совсем не замело.

– Угу. – Мальчишка, пристроив лист на колене, деловито и весьма ловко набросал контуры следа. Даже подштриховал где надо.

– Может, ты еще и у живописца подмастерьем был?

– У портного, – нехотя признался он, возвращая мне графит и пряча закоченевшие ладони в рукава.

– А откуда за что выгнали?

– За... вот еще, сам ушел!

– Кто бы сомневался.

– Тогда не ухмыляйся!

– Что ты, я просто искренне радуюсь за человека, которому удалось так легко от тебя отделаться. Идем, а то, как бы потом бежать не пришлось.

А может, и боевой. По крайней мере, драпать с таким видом, как будто оказывает нежити огромное одолжение, у него уже хорошо получается.

Вереса мы застали за возмутительной самодеятельностью: откинув одеяло, он разматывал повязку уже на второй ноге. Наши шаги по хрустящему снегу он, видимо, услышал еще от калитки, ибо даже не соизволил поднять голову. Только покосился на мой кожаный и с усмешкой заметил:

– Так и знал, что он тебе пригодится.

Я, не отвечая, быстро разделась, разулась и, пройдя в закуток, бесцеремонным тычком в грудь заставила колдуна растянуться на постели.

– Шел, да всё в порядке. – Верес покорно остался лежать, только поморщился, когда я болезненно сдвинула ему ногу, прощупывая кости.

– Для тебя я Шелена, – огрызнулась я, набрасывая на него одеяло. И в самом деле – хорошо срослось, почти и незаметно, где переломы были. Заживает на этом колдуне, как на собаке, обычный человек и часу бы после таких побоев не прожил!

Верес снова невозмутимо сел. И только сейчас заметил порванный воротник и общую потрепанность ученика. Внешне мужчина лишь слегка сузил глаза и напряг плечи, но от недавней покладистости не осталось и следа. Передо мной как будто лежал давешний серебряный кинжал.

– Вы что, опять...

– Нет. – в один голос возразили мы с мальчишкой. Верес удивленно хмыкнул, но переспрашивать не стал. Клинок вернулся в непроницаемые ножны – до поры до времени.

– Мастер, гляньте! – Рест нетерпеливо сунул ему рисунок. – Чей это след?

Колдун присмотрелся и озадаченно сдвинул брови:

– Ты уверен, что точно его перерисовал?

– Уверен! – обиделся мальчишка, кинув на меня требовательный взгляд – мол, подтверди!

Верес, впрочем, в прилжности ученика не сомневался. Просто выразил таким образом свое удивление.

– Ну, если бы они были раза в два поменьше, то я сказал бы, – еще немного покрутив рисунок, привычно начал он, – что это элгарская или корноухая химера.

– Но не скажешь?

– Нет. – Верес покачал головой скорее в ответ своим мыслям, чем моему вопросу. – В наших краях они не водятся, для них здесь слишком холодно. Да и форма подушечек больше характерна для семейства вурдалачьих. Но три пальца... даже и не знаю.

– Новый вид?

– Похоже на то. Где вы это нашли?

– В лесу неподалеку от города. – Слегка разочарованный Рест полез было в ларь с крупами, но я поморщилась и велела:

– Спустись лучше в погреб, принеси картошки – я сама сегодня обед приготовлю.

Верес откровенно просиял. Мальчишка тоже, и, пока я не передумала, схватил лукошко и выскочил в сени.

– Может, в виде исключения всё-таки расскажешь, что с тобой случилось? – сразу посерьезнев, негромко спросил колдун.

– Только в виде исключения.

Внимательно выслушав короткий и сухой отчет о событиях этой ночи (эпизод с погоней я скромно опустила), Верес отложил рисунок и, жмурясь, как довольный кот, потянулся всем телом – сначала осторожно, словно проверяя надежность костей или опасаясь боли, а потом до хруста в суставах. Я наблюдала за ним со смешанным чувством удовольствия (моя работа!), неодобрения (а раз моя, мне бы последнюю повязку и снимать!) и тревоги. Скоро уже. Может, оно и к лучшему – разобраться с этой дурацкой ситуацией раз и навсегда, а не строить из себя леший знает кого. Хлебосольная хозяйка, тьфу... Еще скажите – мать семейства, хранительница домашнего очага!

Я нашла в ворохе бинтов кончик, начала сматывать. Прокипячу, еще пригодятся.

– Не мог уже нас дождаться? Чего сам распутывать-то полез?

Я думала, он опять отшутится или только снисходительно усмехнется, предоставляя самой додумать разницу между свободными и скованными лубками ногами, тем более давно зажившими. Но мужчина заложил руки за голову и серьезно посмотрел на меня. Вернее, на окошко за моим плечом.

– Мне не нравится эта метель, Шелена. Ее не должно было быть.

Я обернулась и честно попыталась отыскать в завихрениях снежинок что-нибудь необычное.

– Метель как метель.

– Но утром, когда только взошло солнце, на небе не было ни облачка. Они сгустились в считанные секунды. И эта метель выглядит так...

Леший, а ведь он прав!

– Как будто кто-то пытается замести следы?

– Верно. – Колдун прикрыл глаза, но лицо у него осталось предельно сосредоточенное – видимо, пытался подогнать друг к другу кусочки имеющихся у него сведений. – А куда они вели?

– Параллельно городу, через полверсты эта тварь должна была выскочить в чистое поле. И еще – из нее хлестала кровь, как от прошившего насквозь болта. Похоже, из бока.

– Странно. Раненая нежить обычно стремится спрятаться в лесу.

– Стремлюсь, – саркастически согласилась я. – Но только за неимением лучшего. Логова, например.

– Вот именно, – загадочно подтвердил колдун. Вернулся Рест, пыхтя под таким количеством картошки, словно надеялся моими стараниями избавиться от готовки по меньшей мере на неделю.

– Отлично, а теперь почисть ее, – со сладкой улыбочкой предложила я, вручая ему ножик.

Результат каким-то чудом уместился в одном горшке. Остальные пол-лукошка мальчишка старательно замаскировал очистками и с глаз долой задвинул в угол.

Хе-хе, а еще говорят – трудно найти общий язык с подрастающим поколением!

Глава 4

Сначала раздался короткий взвизг и изумленное восклицание, потом глухой стук полки, на которой стояли кадушки с водой, плеск упомянутой, фыркание, возмущенное рычание и щелканье зубов, треск материи, грохот и два сочных определения ситуации с разных точек зрения – короче, всё, что обычно происходит, когда в темноте наступают на хвост оборотню.

– Какого гхыра ты тут ходишь?!

– Какого лешего ты тут лежишь?!

Благодаря этому немудреному обмену мнениями стало ясно, что наступил Верес. На кого – уточнять, думаю, не стоит. Запоздало вспыхнувший посреди кухни шарик голубоватого пламени высветил красочную картинку: колдун, сидя на полу и сдавленно поминая всю известную ему нежить (из-за высокой квалификации это грозило затянуться надолго), выпутывался из оборванной занавески, я раздраженно встряхивалась рядом. Ушибленная о полку голова звенела и кружилась, по полу лениво расползалась лужа, в центре которой покачивалась с боку на бок кадушка.

Оглянувшись на хвост, я застала его на положенном месте, хоть и в несколько помятом состоянии, и немного успокоилась. У двери я спала пятую ночь подряд. Перекидывалась в своей комнатухе, предусмотрительно задвинув засов, но из дома не выходила, клубочком сворачиваясь у порога и чутко прислушиваясь к долетавшим из лесу звукам. Снегопада, как назло, давно не было, а оставлять следы я боялась – поиски «волкодлака» не прекращались, днем по лесу рыскали охотники с собаками, а ночная волчья песня порой обрывалась ожесточенной грызней, после которой наступала еще более неприятная тишина.

С кем-то серые что-то не поделили.

– Мое логово, где хочу, там и лежу! А помойное ведро, к твоему сведению, в другой стороне!

– Ну... – Верес несколько смутился. – Я вообще-то... как бы... по противоположному поводу.

И кинул выразительный взгляд на хлебницу.

– Посреди ночи?! – опешила я. – Ты же на ужин целую утку умял, нам с Рестом только по ножке досталось!

Колдун виновато вздохнул, кое-как поднялся и, потирая ушибленный копчик, повернулся обратно к постели – с таким разнесчастным видом, словно его месяц морили голодом.

– Да мне-то что, иди, ешь, если хочется. – Я посторонилась, а потом и вовсе ушла в свою комнату.

Последнюю неделю с Вересом творилось что-то неладное. Ел он не только всё подряд, но и в любом количестве, никогда не отказываясь от добавки и не оставляя на тарелке даже крошек, сколь бы сомнительным яством ни разродился кулинарный антиалант Реста. Еще и сушеные груши из мешочка на печи умудрился тайком сгрызть, я спохватилась, только когда надумала компот варить. Несмотря на волчью прожорливость, от колдуна остались кожа да кости. На заострившемся лице по-совиному светились глубоко запавшие глаза. Однако чувствовал он себя, судя по всему, превосходно – уже всю расхаживал по дому, сначала придерживаясь за плечо ученика, а потом и безо всякой помощи, хромя всё меньше и меньше. И Реста так занятиями доконал, что поднятый нами шум заставил мальчишку только перевернуться на другой бок и повыше натянуть одеяло.

Вернулась я уже в штанах и рубашке. Села напротив Вереса, поджав босые пятки. Аппетита ему мой пристальный взгляд ничуть не испортил, даже наоборот.

– Дай мне соль, пожалуйста.

Я с обреченным видом запустила щепоть в прибитую к стене солонку и посыпала протянутый ломоть, лоснящийся от постного масла. Боги, когда же это наконец закончится?! В страшном сне не приснится – оборотень на побегушках у колдуна! То хлеб ему посоли, то свечу принеси, то от окна, видите ли, дует. Эдак скоро вообще магией пользоваться разучится! И самое ужасное – он не требует и не издевается, просто просит, как будто у хорошей приятельницы. Еще и поблагодарить никогда не забывает.

– Спасибо. – Верес жадно запустил зубы в хлеб. – Уmmm... А фы не фофефь?

– Нет.

За себя он как будто вообще не боится. Но стоит делу коснуться кого-то из его друзей, того же щенка – и бояться предлагается мне. Причем не сказать, чтобы совсем уж безуспешно.

Рест невнятно пробурчал что-то во сне, и я машинально понизила голос:

– Где ты подобрал этого... ученичка?

Колдун тоже покосился на мальчишку, но с куда большей симпатией.

– Весной скорняк с Крученой улицы попросил меня осмотреть его сынишку – подросток, вопреки родительскому запрету, рискнул напоследок погонять на коньках на пруду по уже растрескавшемуся у берегов льду, и тот, разумеется, не выдержал. Хорошо, охотники рядом проходили, вытащили. Мальчик слегка покашливал, но повода для беспокойства не было – немного магии, немного молока с медом, и через пару дней от простуды не останется и следа. Я уже выходил во двор, когда услышал в темных сенях под лестницей какое-то копошение, постанывание. Не удержался, сунулся посмотреть...

Верес разом откусил добрую треть ломтя и проглотил, почти не жуя. Да что же с ним творится, а?

– Оказывается, неслухи катались вдвоем – хозяйский сын и взятый в обучение мальчишка из бедняцкой семьи. Естественно, второму только накостыляли по шее, растереть и напоить горячим вином никто не удосужился. Не собирались заботиться о нем и теперь, когда я сообщил, что у мальчика начинается воспаление легких. Один из подмастерьев, правда, жалелся, сбегал за его отцом, но тот заявился в изрядном подпитии, с руганью размахивая выдернутым из штанов ремнем. Еле вытолкали «заботливого родителя».

Очень я сомневаюсь, что Верес его толкал. Скорей уж представляется красивая «ласточка» из сеней, с серебристым ореолом, как у магического светлячка, послушно скользнувшего к столу вслед за колдуном.

– Тогда скорняк закатил скандал уже мне... попытался, вернее. Мол, пусть бы пьянчуга забирал свое никчемное отродье, а то, избави боги, издохнет еще тут под лестницей, потом дом заново святить. И платить мне ни за его лечение, ни за осмотр хозяин не собирается, чтоб я и не надеялся.

Две «ласточки».

– И ты, разумеется, вступился за бедняжку и забрал его к себе, – саркастически закончила я. – А потом у него обнаружился такой колдовской талант, что грех зарывать оный в землю, да?

– Способности у него есть, и неплохие, – спокойно признал Верес. – До Магистра третьего, а то и второго уровня лет через сорок вполне может дорасти. Хотя я посоветовал бы ему выбрать кафедру теоретической магии, по его характеру – самое то. Но учиться у меня ему нравится определенно больше, чем у пяти предыдущих мастеров.

– погоди, я что-то запуталась... Плотник, портной, скорняк...

– Кузнец и пекарь. – Верес глянул на мое вытянувшееся лицо и поспешил уточнить: – Насколько я знаю, у последнего он продержался меньше недели.

– И я даже догадываюсь почему! – Я поспешила заесть потрясение отщипнутым кусочком хлеба, пока оно не перешло в совсем уж безудержную икоту.

– Мальчик просто искал свое призвание, – мягко заметил колдун, хотя в глазах у него тоже плясали смешинки.

– Думаешь, наконец-то нашел?
– Будем надеяться. В любом случае – я его не держу, если найдет что-то поинтересней – только порадуюсь.

– Выгонишь ты его, как же, – хмыкнула я. – Даже к оборотню в логово за тобой притащился, ничего святого для него нет!

Мужчина перевел взгляд на меня, задумчиво прищурился.

– Шелена, а зачем ты меня... забрала?

– *У оборотней нет ни души, ни сердца. Они лишь прикидываются людьми, даже днем продолжая подчиняться звериным инстинктам, а потому не заслуживают ни веры, ни жалости – только смерти. Каким бы надежным ни казался тебе друг, какой бы влюбленной – девушка, преданным – слуга, мудрым – старик, милым – ребенок, помни: это лишь маска. Не дай ей себя обмануть. Единственное чувство, которое способна испытывать эта тварь, – боль.*

Вот ее-то она у нас сейчас и получит.

– Захотелось растянуть удовольствие от твоей смерти.

– Я бы сказал, несколько опрометчивый поступок. – Верес откровенно, но беззлобно подсмеивался, жуя хлеб. – Теперь ты рискуешь вообще ее не дождаться.

– Дождусь, не переживай.

– Ой ли? Разве что от старости!

– Раньше. Намного.

– Уверена? – Колдун, усмехнувшись, запихнул в рот последний кусок и поставил руку локтем на стол, приглашающе растопырив пятерню: – Порепетировать не хочешь?

– Еще месяц будешь в лубке ходить, нахал.

Мы переплели пальцы. У Вереса они оказались едва ли не тоньше моих и горячие, словно его колотила лихорадка. Но глаза у колдуна были ясные, наглые, и рука не дрожала ни на волос.

Поначалу силы подобрались примерно равные – женщина против едва оправившегося от тяжелой болезни мужчины. Но когда мои мышцы напряглись до предела и начали предательски поднывать, внутри них что-то шевельнулось, сдвинулось, как будто оборвав мешающую привязь, и рука колдуна всё быстрее пошла вниз. Верес нахмурился, прикусил краешек нижней губы. Сдавайся, пока кости не затрещали, не таких силачей на обе лопатки укладывала!

А потом ладонь кольнули крапивные иголки, и моя рука, мгновенно онемев, описала дугу и со стуком припечаталась к столу.

– Так нечестно! – поневоле взвизгнула я.

– Почему? – Верес разжал кулак и, поколебавшись, снова потянулся за ковригой. – Ты пользуешься силой своей второй ипостаси, я – магией. Это неотделимые части наших сущностей, так что всё очень даже честно. Или, если уж на то пошло, мы оба жульничаем.

Я задумчиво помассировала запястье. А потом, слова не говоря, поднялась и пошла к себе.

– Шел, ты что, обиделась? – удивленно окликнул меня колдун.

– Нет. Просто приняла к сведению. И не называй меня Шел!!!

* * *

Заказов прибавилось, да что там – некоторым клиентам пришлось отказать, а остальные согласны были платить за снадобья втридорога. Хозяин радостно потирал руки и даже выдал мне премиальные, такие унижительные, что я тут же подала их первому попавшемуся нищему. Он тоже не пришел в восторг, но по долгу службы смолчал.

Болели этой зимой не чаще и не тяжелее, чем прошлой. люди повалили к знахарю из-за отсутствия магов. Один поехал в столицу по каким-то срочным делам, второй неожиданно

запил и уже третью неделю выходил из корчмы лишь домой за деньгами, еще двоих градоправитель публично объявил шарлатанами и изгнал из Выселка (по этому поводу как раз никто особо не переживал, и провожали их только «благодарные» клиенты, громогласно требующие возврата денег).

Сегодня мне опять пришлось заночевать в лавке – на сей раз действительно из-за снабзий, по просьбе хозяина. Под утро удалось немного подремать, но спалось плохо, так что за Дымком к Карст-э-Лату я отправилась еще затемно. Хотела тихонько вывести мерина из конюшни, но увидела в окне лавки свет и рискнула поскрестись в дверь.

Как оказалось, гном еще не ложился – вчера вечером привезли новую партию оружия, и он только что закончил ее разбирать. Прекрасно, не придется дважды ходить.

– Карст, мне нужен меч.

– Какой? – Торговец даже не удивился. За последние пару недель он наверняка нажился за год вперед и в благодарность должен был бы поставить неведомой нежити свечку.

– Хороший. Не короче трех с половиной пядей, но не длиннее пяти.

– Для чего?

– Для волкодака, – криво усмехнулась я. – А то мой уже насквозь проржавел, одних воробьев им пугать.

– Что-нибудь подберем, – небрежным тоном пообещал Карст. Задетую торгашескую струнку выдали лишь азартно сверкнувшие глаза. – На какую сумму?

– Ты предлагай, предлагай. Там разберемся.

Скажи гному, что у тебя сто кладней в кошеле, – он всю сотню за двадцатимонетный меч и выдурит, еще и полбороды себе выдерет в знак траура по такому ужасному убытку. Пусть покажет клинок за двести-триста начальных, тогда и поторгуюсь.

Начал Карст-э-Лат по всем правилам своего искусства: вытащил из-под прилавка что-то ржавенькое, кривенькое и щербатенькое и начал скучающим голосом расписывать прелести этого несокрушимого клинка, основной из которых была редкостная дешевизна (выбросить жалко, вдруг какой дурень польстится и в самом деле купит?). Но если клиентка действительно интересуется оружием...

– Карст, я ценю хорошие шутки, но у меня не так уж много времени.

Переговоры перешли во вторую, противоположную стадию: показать покупателю коллекционный клинок в россыпи бриллиантов и ошарашить его несусветной, однако честной ценой, после которой даже тройная стоимость обычного меча будет казаться смехотворной.

– Сие, – гном аж сопеть возле этих ножен постеснялся, благоговейно затаил дыхание и сдавленно сообщил, – друидский даркан, в просторечии «окуньком» рекомый. Раритет, такой не то что продавать – показывать немалых денег стоит.

– Разве друиды куют оружие? – Я привычно пропустила мимо ушей вымогательский намек. Карста послушать, так я ему уже годовую зарплату задолжала.

– Заговаривают, – поправил гном. – Куём мы, разумеется, кто ж еще такую сталь варить и закалять умеет?

– Эльфы.

– Что-о? – так и взвился торговец. – Остроухие?! Да у них любая железина за меч сойдет, лишь бы камней побольше налепить да гравировки золотой нашлапать! Кто им, думаешь, болванкиставляет?

– Я слыхала, в их части Ясневого Града есть небольшое месторождение железа. На болотах.

– Во-во, болотах! В топях отродясь ничего хорошего не водилось, одни жабы да пиявки с кикиморами!

– Среброкрылые цапли, – мечтательно напомнила я, некогда навсегда очарованная обманчиво-неуклюжим полетом чубатой красавицы с маховыми перьями, как веера блестящих на солнце клинков, отражающихся в черной неподвижной воде.

– Ты ей про храм, а она тебе про срам! – не выдержав, припечатал меня гном известным присловьем. – Нет у эльфов стоящего оружия, и точка! И вообще, ну их к троллю в... пещеру, глянь лучше сюда! Ты небось о таком диве и не слыхала!

Беда в том, что я как раз таки много чего слышала о дарканах, потому и пыталась потянуть время. И, когда Карст легкомысленно выудил клинок из ножен, с трудом подавила желание крепко зажмуриться и втянуть голову в плечи.

Ну конечно же побег хмеля, искусно прорисованный до последней шишечки-жилочки на листьях, во всей красе зеленел вдоль узкого, слегка изогнутого лезвия, так остро оточенного, что кромка казалась полупрозрачной. И мы с Карстом прекрасно знали, что это означает.

– Где-то рядом нежить! – свистящим шепотом выдохнул ошеломленный гном.

Я чуть было со стоном не уткнулась лбом в сложенные на столе руки. Угораздило же Карста похвастаться новой игрушкой именно теперь, когда мне позарез нужен меч! Ой, что-то сейчас будет... Я живо представила низкорослого гнома, боевым топором гоняющего меня вокруг стола... бррр... не догонит, конечно, но нервы потреплет изрядно. И ведь даже слушать ничего не захочет – с оборотнями переговоров не ведут, это не только магам известно.

Карст и в самом деле вскочил, выхватил из-за прилавка нечто здорово смахивающее на пудовую помесь кувалды с секирой, нахлобучил шлем и ринулся мимо меня к двери во двор.

– Ну, сейчас ты у меня попляшешь, гадина! – проревел он уже за порогом. – Где ты там бродишь, а?!

Чувствуя себя законченной идиоткой, я обреченно сгребла даркан за длинную рукоять без гарды и поплелась вслед за Карстом. Пес эту друидскую цапку знает, с какого расстояния до оборотня на нем проступает гравировка, а если я сейчас смоюсь, гном, вернувшись ни с чем, тут же сообразит, о ком ябедничал клинок.

У гномов женщины сражаются наравне с мужчинами, так что Карст ничуть не удивился, когда я, ежась от ледяного ветра, пристроилась к нему в тыл. Хмурый зимний рассвет терялся в темно-серых тучах, таких низких, что непонятно, как они вообще сумели перевалить через стены. Центр города потихоньку оживал, ветер доносил стук кузнечного молота и запах свежей сдобы, но здесь, почти на самой окраине, в окошках не теплилось ни единого огонька. Даже вороны еще не начали слетаться на мусорную кучу.

Хрустя снегом, мы грозной поступью идущей в атаку пехоты два раза обошли дом и один – конюшню.

– Ну что? – то и дело интересовался гном. – Видна еще?

– Видна, видна, – уныло отвечала я, не утруждая себя проверкой; благо Карст так сосредоточенно зыркал по сторонам, что я за его спиной могла хоть на четырех лапах труситься. – Слушай, а может, он упыря какого на соседней улице почуял? На кой он нам сдался? Пошли домой, у меня уже зуб на зуб не попадает... да и лавку пора открывать, хозяин ругаться будет, что клиентов выпускаю...

Гном только гневно пыхтел и фыркал, не реагируя на мои малодушные речи.

– Главное, – вещал он, – не дать ей подкрасться сзади! Эта тварь на любую пакость способна!

Я тоскливо глядела на его макушку в рогатом шлеме, прикидывая, не огреть ли его по темечку рукоятью и сказать, что так оно и было. В смысле – напал кто-то со спины, оглушил и меня, и его, схватил даркан и смылся. Но практики оглушения гномов у меня не имелось, а если с первого раза не получится, драпать мне со всех лап до самого леса. Да и переборщить боязно – в конце концов, если кто-то ненавидит оборотней, это еще не повод отвечать ему взаимностью. Мало ли у кого какие недостатки, друзей-то мы выбираем за достоинства, а их

обычно намного больше. И мне проще спрятать клыки, чем доказывать всем и каждому, что они мне идут.

На жилой половине дома вспыхнул свет, заскрипели половицы.

– Ка-а-арст!

Гном вздрогнул и втянул голову в плечи чуть ли не по самые рога. За отдернутой занавеской показалась прижатая к стеклу и оттого еще менее симпатичная, брюзгливая физиономия в обрамлении рюшек ночного чепца.

– Чего ты там шляешься ни свет ни заря? А дверь зачем нараспашку оставил, а?! Всю избу, пень бородатый, выморозил! Ну, ты у меня сейчас попляшешь, дай только скалку найти!

– Я закрывал, – смущенно пробормотал торговец.

– Я тоже, – не слишком уверенно поддакнула я.

Стукнула щеколда внутренней двери, но вместо ожидаемого потока брани раздался такой дикий вопль, что мне показалось, будто на доме подпрыгнула крыша. Судя по почти одновременному звуку, скалку Карстова жена всё-таки нашла. А вот на ком она ее опробовала...

Мы наперегонки рванулись к лавке – гном к двери, я, не мудрствуя лукаво, в длинном прыжке (куда лучше удававшемся в зверином облике, но ничего, и так сойдет) высадила ближайшее окно вместе с рамой. Перекатилась по полу, пытаясь заботиться о трех вещах одновременно: как не припечататься к стене или прилавку, не напороться на свой же меч и не влететь прямиком в пасть той твари, по чьей глухо рыкнувшей башке прогулялась скалка.

Увидела я ее сразу. Куда больше времени потребовалось, чтобы поверить в существование подобной бестии. Корявая тень на полу – и такая же над ним, только объемная и с ярко-зелеными светляками глаз. Показавшееся бесконечным мгновение между двумя ударами сердца они тарасились на меня, завораживая, как змеиные, пока не заметили более лакомую добычу.

Все щенки на свете одинаковые – что волчьи, что человечески, что гномьи. Только и умеют, что путаться под ногами в самый неподходящий момент.

Не раздумывая (а зря!), я, не выпуская даркан, взмахнуть которым явно не успевала, свободной рукой хватанула серый промельк, в броске мимо меня размазавшийся окончательно. Храйк, скотина одноглазая, какое там «почти как оборотень»! Проще стрижа на лету изловить. Но, прежде чем я успела подумать «промахнулась!», пальцы сомкнулись на чем-то мохнатом и упругом, а сильный рывок чуть не выдернул левую руку из плеча, вынудив вцепиться в добычу и правой. Даркан зазвенел по полу, откатившись к стене.

Очень сомневаюсь, что мне удалось бы ее удержать, но, ошеломленная такой наглостью, тварь остановилась сама. Медленно, словно еще не до конца поверив в такое кощунство, повернула голову и повстречалась с моим не шибко внушительным, но понятным в любой ипостаси оскалом. А, гулять так гулять! Я зарычала. Не тонким голоском подражающей зверю девушки, а хорошенько, прочувствованно, из глубины слегка тронутого изменением горла. Тварь изумленно насторожила уши и рывкнула в ответ, даже не заметив как гномиха подхватила ребенка на руки, шмыгнула обратно в комнату, захлопнула дверь и начала усердно пихать к ней что-то тяжелое и скрипучее вроде сундука или комода.

Есть дела, которые, начавши, надо непременно довести до конца. Ухваченная за хвост нежить определенно относилась к их числу. Несмотря на кажущуюся бесплотность, шерсть и гибкий стержень позвонков под моими пальцами принадлежали очень даже реальному существу, и мой опрометчивый поступок оно не одобрило.

Все хищники любят под настроение погоняться за своим хвостом, но в роли отдельно взятого хвоста я себя еще ни разу не чувствовала. Стены лавки слились в сплошное серое полотно с яркой чертой-свечой посередине. К счастью, голова закружилась не только у меня, а гибкостью кошки, чтобы извернуться и достать свой (а заодно и мой) зад клыками, тварь не обладала. Вместо этого она неожиданно хлопнулась набок и попыталась брыкнуть меня зад-

ними лапами. Я еле успела отшатнуться и, прекрасно понимая, что, выпустив хвост, тут же получу с противоположной стороны, рывком вытащила гадину на середину лавки и крутанула на месте, надеясь припечатать башкой к печке. Уже на середине оборота тварь перевернулась на живот и, когтями вцепившись в доски пола, испоганила эту хорошую идею. Прежде чем она снова успела на меня кинуться, я разжала кулаки и вскочила ей на спину, обвив руками толстое мохнатое горло. Тварь неожиданно взвизгнула, остро и знакомо запахло кровью – похоже, носок моего сапога саданул по едва затянувшейся ране.

Честно говоря, затрудняюсь сказать, что хуже: тягать нежить за хвост или гарцевать на ней по лавке, сшибая разложенное на подставках оружие. Пару раз мы даже перекатались по полу, но веса твари достало только на то, чтобы основательно, но не смертельно намять мне бока. Придушить ее мне удавалось с тем же успехом – нежить вообще может не дышать несколько минут, не испытывая при этом особых неудобств, а сломать шею медведю и то было бы легче (конечно, медведь в свое время тоже без боя не сдался, но сам виноват – в малиннике надо кушать малину, а не собирающую ее девушку).

В итоге мы обе только озверели окончательно – хрипящая, капающая слюной тварь вообще перестала разбирать дорогу, то и дело натыкаясь на стены, а я, позабыв, в какой ипостаси нахожусь, вцепилась клыками ей сбоку в шею. Без полного превращения смех один, а не клыки, у вампиров и то длиннее, но чтобы прокусить шкуру, их вполне хватило. Такого произвола нервы нежить не выдержали – представьте себе состояние пробравшейся в курятник лисы, на которую с лаем напала зубастая курица. Завизжав, как простая шавка, она волчком закрутилась на одном месте, а потом со всей дури боком врезалась в стену. Висящий аршином выше щит сорвался с гвоздя и ребром саданул меня по хребту, а тварь по голове. На этот раз мы взвыли вместе и разлетелись в стороны. Щит брякнулся посредине, лицевой стороной вверх. Мельком отметив чеканку – придавленный деревом бобер, геральдический знак старинного рода Апеховых (славного большей частью этим оригинальным гербом), – я ухватила щит за острый конец, широким подставив устремленной ко мне пасти. Клыки с металлическим клацаньем сомкнулись на краю щита, проткнув его насквозь. Я сдуру потянула щит к себе, тварь инстинктивно уперлась лапами, намертво стиснув челюсти и с рычанием мотая башкой. Бобер, кажется, еще больше выпучил глаза, испугавшись, что мы растянем его в листовое железо.

Под ногой провернулось что-то тонкое, длинное, требовательно звякнувшее. Я глянула – и с силой оттолкнула щит, нагнулась, схватила и тут же, снизу наискось, распластала воздух серебристой чертой. Короткое, неожиданно слабое сопротивление – и даркан снова оказался на свободе, свечой взметнулся к потолку, а я чуть не рухнула на спину, еле сумев погасить излишне мощный замах.

Тварь содрогнулась всем телом, словно ее внезапно окатили ледяной водой. Неуверенно подняла переднюю лапу... Да так и завалилась набок. Щит зазвенел по полу, как огромная жестяная тарелка. Башка осталась висеть на его краю, медленно стекленея глазами. Я с трудом заставила себя отвести от нее взгляд, машинально провела рукой по губам, стирая кровь... и увидела бледного как полотно Карста-э-Лата, прижавшегося к стене возле косяка. Кажется, он так и простоял здесь всё время, едва успевая хотя бы следить – не говоря уж о вмешаться! – за моим поединком с нежитью.

Вернее, остервенелой грызней двух тварей.

Я бочком-бочком, тяжело дыша и не сводя с гнома глаз, проскользнула мимо него к двери. Оружейник даже не шелохнулся, продолжая судорожно сжимать рукоять занесенного топора. Выражение лица у него наверняка было такое же, как у меня, когда я впервые увидела эту полупризрачную гадину.

В лицо ударил холодный ветер, взъерошив и без того растрепавшиеся в схватке волосы. С ее начала прошло не больше пяти минут, город по-прежнему утопал в полумраке, цепляясь за сладкий предрассветный сон. Я поспешно и бесцеремонно выдернула из конюшни привычно

капризничающего Дымка, но, разгоряченная, вскакивать в седло не стала, а просто побежала по улице наравне с мерином, держа его под уздцы.

Боги, как же я это ненавижу! Раз за разом сжигать за собой с таким трудом наведенные мосты и уходить под стонущий треск рушащихся в пламени опор, делая вид, что там, за спиной, ничего и не было, и всё, кроме жизни, наживное...

Только делая вид.

– *В каком-то смысле мы даже оказываем ей благодеяние...*

И всё из-за этого проклятого колдуна! Какого лешего я не придушила его еще в овраге, голыми руками или клыками, если так уж хотелось крови? На кой мне понадобилась эта комедия с «честным поединком»?

Хватит, надоело! Сегодня. Сейчас же. Плевать как. Я же бесчувственный и безжалостный монстр, в конце-то концов. Пора оправдывать возложенные на меня ожидания.

Кружащая в небе воронья стая чуть было не попадала замертво душеспасительным повтором знамения и, вразнобой хлопая крыльями, кинулась прочь, поспешно набирая высоту. Крысиное шуршание в домах и мусорных кучах мгновенно утихло, зато вдали завывали, забесновались собаки.

Дымок попытался стать на дыбы, потом попятиться, но с тем же успехом бунт могла поднять взнузданная кошка.

Люди моего вопля не слышали.

Стало чуть-чуть полегче. Я виновато потрепала храпящего мерина по шее и только сейчас сообразила, что продолжаю судорожно сжимать рукоять окровавленного даркана. Зашвырнуть в снег от греха подальше? Жалко, такая штукавина больше тысячи кладней стоит, подберет еще какой-нибудь бандюга. Вернуть Карсту? Ха-ха-ха! И как я себе это представляю? Приоткрыть дверь лавки, сунуть в щель руку с мечом и виновато проблеять: «Вот... прихватила ненароком... вы уж не сердчайте»? Да гном наверняка, уже за стражниками побежал.

Ладно, найду потом способ передать, на худой конец с почтовой каретой отправлю. Успокоив свою совесть, я обмотала клинок шарфом и, закинув его поперек конской спины, вскочила в седло.

– К знахарю, Дымок. Да, рискуем, знаю. Но дожидаться заснеженьской² зарплаты тем более не стоит, а значит, надо бы кой-чего прихватить в качестве компенсации.

Светильник я зажигать не стала: за три года даже слепой выучит, что на какой полке стоит. Основную выручку хозяин по вечерам уносил домой, оставляя в стенном тайнике только мелочь для утренней сдачи, которую я и выгребла без зазрения совести. Так, ползарплаты уже отбила. Еще вот этот серебряный кубок прихвачу – и мы в расчете.

Распахнув шкаф, я небрежно провела рукой по шеренге склянок – они так и посыпались на пол, открывая второй ряд без этикеток. Надергав из него с десятков флаконов, я побросала их в сумку. Туда же отправилось несколько мешочков из нижнего ящика стола. Знахарь всё равно не найдет этим травмам применения, выкинет или сожжет, как оскверненные нежитью, а мне вовсе не хотелось ждать лета, чтобы заново выкапывать недоступные сейчас корни или караулить у распускающегося бутона звездолеста, цветущего всего полтора часа одну ночь в году.

Дверь я всё-таки не поленилась, закрыла, зло пихнула ключ в щель над притолокой. По своему знахарю относился ко мне честно, разбросанные-то баночки он подберет, а вот много ли останется от ушлых городских воришек?

Пока я возилась в лавке, Дымок успел сдернуть накинутый на колышек повод и отойти довольно далеко, но, услышав сердитый окрик, послушно остановился. Перебросив сумку за спину, я кинулась вдогонку и почти сразу же столкнулась с Шалиской. Вернее, сначала досад-

---

² Заснежень – первый зимний месяц

ливо, по-звериному рывкнула и сверкнула глазами на подвернувшегося под ноги человечишку, а потом с неподдельным удивлением – но отнюдь не раскаянием! – обнаружила бабку оседлавшей высоченный колодезный журавель. Перекладина протестующе скрипела, плавно качаясь взад-вперед; судорожно вцепившаяся в нее Шалиска живо напоминала ведьму на метле, торопящуюся вернуться с шабаша до восхода солнца.

– Как ваш прострел, уважаемая? – не удержавшись, вежливо поинтересовалась я. – Вижу, уже не беспокоит?

– К-к-как рук-к-кой с-с-сняло, д-д-деточка... – на диво звучно лязгая немногочисленными зубами, подтвердила бабка и, безнадежно оглядевшись по сторонам, тоненько и тоскливо провыла: – Свят, свят, изы-ы-ыди!

Видимо, стать единственным свидетелем происшествия оказалось вовсе не так приятно, как раньше думалось Шалиске. Наклонив голову к плечу, я бестрепетно полюбовалась сначала нательным крестиком, а потом дешевеньким оберегом с закопченными куриными перьями, заставившими меня облизнуться, а бабку – закрутить окончательно.

– Помощь не нужна? – Я с готовностью взялась за столб и легонько его качнула.

Шалиска энергично замотала головой, еще крепче стискивая палку.

– Ну, воля ваша. Если что – я тут поблизости, только крикните!

Я пошла к коню, по пути пару раз выразительно оглянувшись, но бабка хранила гордое молчание. Ничего, через часок-другой она его с лихвой компенсирует!

Неспешной трусцой скрывшись за углом, через две улицы я пустила Дымка тяжелым галопом, натянув поводья только за несколько домов до городских ворот. Ну хоть в чем-то мне сегодня повезло – злые с недосыпу стражники проверяли вереницу купеческих саней, почти не обратив на меня внимания.

Ручаюсь, никому из них и в голову не пришло, что я в последний раз проезжаю выселокские ворота.

Так, в первую очередь деньги. Их не так уж и много, около пятидесяти золотых в тайнике под полом, но на первое время должно хватить. Само собой, запасная одежда, десяток безделушек и кой-какие травки, сколько поместится в чересседельных сумках. А вот с козой что прикажете делать? На веревке за конем тащить? Еще скажите в сани Дымка запрячь, нагрузить их с верхом разным барахлом вроде подушек, кадушек и картошек – между прочим, еще полтора мешка в погребе осталось, за кровные деньги купленных, жаба душит бросать!

Разбаловалась ты, оборотниха, а ведь сколько раз приходилось в одной шкуре драпать, думая только о ней... Но если есть немножко времени, почему бы не обставить бегство с максимальным комфортом? Пока еще стражники обшарят Выселок и обнаружат, что зря старались... Пока еще соберется настропаленная гномом и Шалиской толпа, количеством переходящая в качество, то есть бесшабашную храбрость – ведь выходить из города в темный лес на свидание с оборотнем ох как не хочется... Около часа у меня точно есть.

Отчаянный, надрывный детский крик одновременно пробрал меня до костей и бросил в жар, прежде чем я сообразила, что он – не человеческий. Впереди, осыпая лохмы снега с ветвей, поднялась над деревьями недовольно верещащая сорочья стайка. Полетела выяснять, что там без ее ведома происходит, авось да перепадет кусочек.

Я спрыгнула с коня, прикрутила повод к оттопыренному сосновому суку и, крадучись, заснеженными кустами подобралась почти к самому дому. Присмотрелась, принюхалась – и зло сплюнула на снег.

Логово оцепили вооруженные люди. Очень профессионально, одновременно подкрались со всех сторон. Вдесятером, не считая четырех собак на сворках – громадных палевых волкодавов, показушно скаливших зубы. Может, эта порода и годилась для ярмарочных боев, но охотиться с ними на волков я бы не советовала. Во-первых, поджарые звери без труда обго-

няли массивных псин. Во-вторых, так же легко убивали. Поодиночке, измотав и растянув в цепь длительной погоней. А оборотней панически боялись все собаки без исключения.

Мосты полыхнули и рассыпались пеплом не только за спиной, но и впереди, оставив меня на обведенной огнем площадке. Что ж, мне не привыкать. Даже странно, что им понадобилось целых три года. Обычно меня выслеживали уже через несколько месяцев. Проще всего было рассмеяться и убежать, но уж очень хотелось посмотреть, как охотники замерзнут в зюю, поджидая меня с работы. И как будет оправдываться колдун, заваривший эту кашу. Больше некому.

Я пригляделась. Кажется, они только что пришли, еще не успели пообвыкнуться и боязливо осматривались, поигрывая обнаженными мечами. Был среди них и Свенька-стражник, недавно повышенный до десятника. Очень шумно был, сквернословно.

Верес спокойно сидел на пороге со взведенным арбалетом на коленях. Рест не показывался.

– Зачем пожаловали, люди добрые? – негромко поинтересовался колдун. – Чего надо-то?

Свенька гадливо сплюнул, указал мечом – очень, кстати, хорошим, с серебряной полоской вдоль лезвия (видать, тем самым, что у Вереса когда-то и пригреб):

– А тебя и надо, паскудство чернокнижное! Полно тебе жальники будоражить, честный люд мертвяками травить, некромант гхыров!

Верес и бровью не повел. Зато я опешила.

– И откуда же вы, честный люд, знаете, кому предъявлять претензии за такое непотребство?

– Да уж знаем! А девка твоя где?

– Какая?

– А такая! Оборотниха! С коей ты непотребствами всяческими при луне занимаешься!

Лежащая на боку коза с трудом вздернула голову и снова закричала. Эх, дободалась ты, Майка... Ближайший стражник покосился на нее, поудобнее перехватил древко алебарды, но добить, перерывая речь начальника, не решился. Колдун усмехнулся:

– Лестное предположение, но она здесь давно не живет. Я предпочитаю убивать оборотней, а не... заниматься с ними.

Я прям умилилась. И вышла из кустов рядом со Свенькой.

Похоже, это стало для того приятной неожиданностью. Хотя за приятную не ручаюсь.

Возникла небольшая заминка – волкодавы с визгом бросились наутек, волоча за собой хозяев. Один успел выпустить поводки, а второй так и умчался в снежную даль, вопя и барахтаясь.

– Приветствую всю честную и не очень компанию, – весьма далеким от приветливости голосом протянула я, по-хозяйски скрещивая руки на груди. – Что ж вы на холоде-то стоите? Зашли бы, чайку со вчерашними пирожками попили... напоследок. И вам приятно, и мне потом не так стыдно будет.

Свенька, близко разглядев наглую безоружную девку, первым опомнился от изумления.

– Ты, сука, языком не мели, лучше руки подставляй – вязать тебя будем! – Сотник потряс тонкой серебряной цепочкой.

Хм, это что-то новенькое. С каких это пор оборотней занесли в свиток редких и охраняемых видов, подлежащих только отлову и расселению?

– Какие мы смелые, – без выражения похвалила я, – вдесятером на оборотня пошли. Всего-то вдесятером. А за суку я ведь и горло вырвать могу. Голой рукой. Не боишься?

– Напугала мужика... – начал было он.

– А зря, – равнодушно окончила я, наклоняясь и вытирая ладонь комком снега. Стражник еще минутку постоял, побулькал, выкатив глаза, затем бревном рухнул на землю. Я подо-

брала меч, задумчиво повертела в руках. Тяжелее даркана, но баланс хороший, да и выглядит прилично.

– Наговорной вроде бы? Сейчас проверим. – Рукоять немного жгла ладонь, но лежала в ней как влитая. Я плавно, завораживающе провела клинком вдоль лица и по-волчьей, обнажив верхний ряд зубов, ухмыльнулась, приглашая составить мне компанию.

Количество гуманистов резко поуменьшилось. Энтузиастов, впрочем, тоже. Интересно, почему люди с таким удовольствием наблюдают за публичными пытками и казнями и зеленеют при виде относительно быстрой и безболезненной смерти от клыков-когтей оборотня? Лично я предпочла бы второе.

Руку неожиданно свело знакомой судорогой. Я зашипела сквозь зубы. Ну конечно. Было бы глупостью соваться в логово колдуна, не укомплектовав команду его коллегой. Упрямо не выпуская меч и вместе с ним клонясь к земле, я лихорадочно пробежалась взглядом по подтягивающимся ближе людям и сразу же вычислила своего основного противника – вернее, противницу, толстую тетку неопрятного торгашеского вида с маслянистыми глазками-буравчиками и свисающей с протянутого вперед кулака бирюлькой.

Амулет неожиданно полыхнул вместе с веревочкой, ведьма вскрикнула и разжала руку. Поспешно захлопала себя по пышной груди, гася впившиеся в одежду искры. Верес продолжал задумчиво пощипывать подбородок, только зрачки у него расширились до такой степени, что глаза казались чернее обрамлявших лицо волос.

Я резко выпрямилась, шуганув мечом шарahnувшихся людей. Один, особо впечатлительный, даже в снег задом сел, так на нем и отполз.

Ведьма тем временем ликвидировала пикантный очаг возгорания, отвесила Вересу ироничный поклон и, развернувшись, вразвалочку потопала обратно к городу, на робкие оклики подельников лишь передернув плечами: мол, насчет столь превосходящего противника мы не договаривались, орешками на рынке торговать оно поспокойнее будет.

– Ну, по крайней мере, один умный человек среди этого сброда был, – прокомментировала я.

Увы, этим запасы здравомыслия в рядах врагов и ограничились. Вместо того чтобы извиниться за беспокойство и составить компанию быстро скрывшейся среди деревьев даме, люди опрометчиво рассудили, что если наброситься внезапно и разом, то успех гарантирован.

Женское обаяние (по крайней мере, хотелось бы надеяться, что именно оно) привлекло ко мне усиленное внимание шестерых стражников из девяти, но Верес, думаю, остался не в обиде. Арбалет клацнул спускаемой тетивой, как цепной пес пастью. С десяти шагов болт пробил кольчугу, словно пергамент, только чавкнуло. Огненный шар, из-за блекло-голубого цвета казавшийся ледяным, сработал еще эффектнее, развесив неприлично орущего и дрыгающего конечностями стражника на ветвистой яблоне.

Трезво оценив ситуацию, я выбрала из двух зол меньшее – позволила прижать себя к стене дома, не дав взять в кольцо. Так хоть за спину опасаться не надо и больше трех разом не полезут, только мешать друг другу будут.

Беда в том, что у одного из этих троих вместо одноручного меча оказался полуторник, на три пяди длиннее моего меча, чем противник бессовестно воспользовался, пытаясь рубануть меня с недосягаемого расстояния, пока двое остальных отвлекали внимание с боков. Один удар расплосовал мне рукав и до крови чиркнул по предплечью, второй едва не оставил без косы, но, когда ситуация окончательно перестала мне нравиться, поехала крыша. Не у меня, а на доме, и не вся, как мне с испугу померещилась, а полуаршинный слой укрывавшего ее снега. Лавина слежавшихся комьев забарабанила по плечам и шлемам людей, на несколько мгновений разгородив противников. Я, воспользовавшись моментом, под защитой кровли пробежалась вдоль стены до угла и, внезапно вынырнув из облака снежной крошки, атаковала растерявшихся стражников сбоку, двумя взмахами меча сократив количество врагов на треть.

Когда снег осел, единственный дорвавшийся до колдуна стражник с немалой досадой обнаружил, что усердно душит стоящую возле крыльца метлу. Практически сразу же Верес опробовал на нем прием, на который я не решилась с Карстом, – с размаху огрел по затылку березовым поленцем. Самое то оказалось.

Один из противников попытался обойти меня слева, но я молниеносно качнулась в его сторону и, с легкостью уйдя из-под неловкого тычка мечом, наотмашь хлестнула его по лицу ладонью. В момент замаха это была еще тонкая женская рука, однако удар отбросил стражника на добрую сажень.

Подниматься он не спешил, катаясь по земле и с воем зажимая располосованную в пять борозд щеку.

Трое оставшихся упрямо сплотили ряды и погнали меня через весь двор, чуть было не приперев на сей раз к сараю но в паре саженой от одного вдруг остановились и, заметно подрастеряв боевой пыл, с вытянувшимися лицами подались назад. Я мельком глянула через плечо – а вдруг ловушка? – и нервно вздрогнула. В двух шагах за моей спиной стоял колдун. Леший его знает, как он умудрился неслышно ко мне подкрасться, но впечатление Верес производил такое, что я сама чуть было не перебежала в рядок оцепеневших людей, малодушно надеясь среди них затеряться. В бездонных зрачках то ли клубилась белая дымка, то ли отражались переливы висящей между ладонями сферы в паутинке ветвистых разрядов. На что она способна, ни спрашивать, ни выяснять на практике совершенно не хотелось. Колдун тоже не спешил с объяснениями – просто стоял, медленно обводя нас немигающим взглядом, не хуже ведьминского амулета тянущим мечи к земле.

– Ну, – наконец хрипло вытолкнул он из горла, – кого-нибудь живьем брать будем или не стоит возиться?

Я, приободрившись, снова повернулась к стражникам:

– Вы как, мужики? Сдаются или хоронитесь за счет города?

Воспоминание о россыпи покосившихся крестиков на болотистой пустоши за Выселком живо помогло стражникам определиться между геройской смертью и постыдным поражением. Сманивать с дерева их успешно прикидывающегося мертвым коллегу (уважаемый, кого вы хотите обмануть?!) было некогда, так что я ограничилась бдительным надзором за связывающей друг друга троицей, а потом, сунув меч под мышку, собственноручно прикрутила их все к той же яблоне.

Рест, упираясь локтями и часто перебирая согнутыми ногами, на ягодицах съехал с крыши, шлепнувшись в осыпавшийся с нее снежный вал. Бросился мимо меня к мелко дрожащей козе. Сфера в руках Вереса раскололась пополам, тяжами света ушла обратно в ладони. Колдун разом сник, сторбился, опустил голову и, опираясь рукой о стенку сарая, с трудом поковылял обратно к крыльцу.

Воткнутый в землю меч заставил Реста посторониться. Я присела рядом и бережно приподняла козью голову, положила на колени. Майка засучила передними ногами, закричала от боли, силясь приподняться. Я выждала, пока она успокоится, погладила... Перехватила поудобнее и резко повернула.

Хрупнуло, коза в последний раз дрыгнула копытами и обмякла.

Мальчишка охнул, попятился. Я брезгливо оттолкнула мертвую голову, встала и пошла к дому. Бросила через плечо:

– Ведьма или тот, с ветерком умчавшийся на собачьей упряжке, наверняка вызовут подмогу... а то и встретятся с ней на полпути. Так что не расслаивайтесь, собирайте вещи и убивайтесь отсюда. Чем дальше, тем лучше.

– А ты?

– Не твое дело, – отрезала я, ныряя в сени.

На стуле лежала котомка из мягкой кожи с горьким незнакомым запахом, перебивавшимся куда более въевшимися – Вереса и зелий. Круглая бронзовая пряжка с затейливым узором предупреждала покусившихся на оберегаемое ею содержимое о бо-о-ольших неприятностях.

Похоже, ночная беседа заставила колдуна тоже кой о чем призадуматься и позаботиться.

Когда я, собравшись, вышла на улицу, Верес стоял возле крыльца, прислонившись к косяку. Выглядел он неважно – лицо бескровное, дыхание тяжелое, прерывистое, хотя падать вроде бы не собирался. Мальчишка жался к его боку, неловко сжимая сереброполосый меч и опасливо поглядывая то на учителя, то на меня. Нужны вы мне больно. Я закинула сумки на конскую спину, поправила покосившийся даркан и вскочила в седло. Всем спасибо, все свободны, приятно было попрощаться!

– Шелена, вернись.

Он сказал это ровно, не повышая голоса, зная, что я всё равно услышу. И это разозлило меня больше всего. Щассс, размечтался, бегу и падаю...

Серебряная звезда, въедливо свистнув у виска, на треть врубилась в обледеневший ствол. Дымок пугливо прижал уши, шарахаясь с тропки в снег. Я беззвучно выругалась и дернула за левый повод, заставив коня сделать полукруг.

Мужчина стоял на том же месте, по-прежнему держа руки в карманах. Но я не сомневалась, что вторая звезда врежется в дерево с той же скоростью и меткостью. Если, конечно, не выберет цель поинтереснее.

Я чмокнула и тряхнула поводьями. Неспешно объехала вокруг человека. Он не шелохнулся, даже головы не повернул.

– Подходящее же ты выбрал время для сведения счетов, колдун.

– Шел, мне нужна твоя помощь.

Я коротко и обидно хохотнула, скрывая удивление:

– А тебе не кажется, что ты и так уже слегка злоупотребил моей... хм... добротой, если это слово применимо к оборотню?

– Они пришли и за тобой, – продолжал он, словно не расслышав. – Они знали, кто ты.

– И я даже догадываюсь откуда, – я презрительно кивнула на Реста.

– Неправда! – вскинулся тот, стискивая кулаки от незаслуженной обиды. – Я никому ничего не говорил!

Кажется, не врет. Но это уже не имеет значения.

– И что с того?

– Боюсь, твои дохлые вороны не пришлись кому-то по вкусу... или по нюху.

Я досадливо вздернула верхнюю губу, показав удлинившиеся клыки.

– Я мало кому нравлюсь, с воронами или без.

– Но раньше на тебя не расставляли магических ловушек и не травили вурдалаками.

– Раньше я не приносила в дом всякую падаль. – Верес не обиделся. Или не подал виду, продолжая таким же мирным голосом:

– Каюсь, я сгруппировал. Вчера послал Реста забрать кой-какие вещи у знакомого торгаша, дал ему доверительную записку со своей подписью. До этого никто не знал, что я жив. На тебя же охотятся уже давно. Вяло, как будто между делом, но охотятся. И хотят именно поймать, а не убить.

– Собаками и серебряными цепями оборотней не ловят.

– А капканами? Думаю, стражники были только проверкой – тот, кто их прислал, слабо верил, что ты на самом деле оборотень, да еще истинный, способный по желанию менять и равно контролировать обе ипостаси. Ты отлично замаскировалась, но теперь жди серьезного противника, Шел.

– Не называй меня Шел, колдун! – сорвалась я в рычание, потому что возразить на всё остальное мне было нечего. По-другому эта картинка и впрямь не складывалась.

– Не называй меня колдуном, – спокойно парировал он. – Я маг. Магистр первой степени, между прочим.

– И чем же маг отличается от колдуна? – саркастически поинтересовалась я.

– Ничем. Как и Шел от Шелены. Договорились?

Я злобно фыркнула и отвернулась, но понукать Дымка не стала.

– Значит, Шел, – философски заключил мерзкий колдун. – Послушай, вместе нам будет безопаснее.

– Не уверена. И вообще, чего ты ко мне прицепился?! Беги, наябедничай в свой Кагал Магов, что темные селяне тебя обижают, некромансером обзвали! Он небось живо с ними разберется!

– Не Кагал, а Ковен! – возмущенно встрял мальчишка, но, заметив скользнувшую по губам мастера усмешку, сообразил, что поддался на провокацию, и, густо покраснев, больше в наш разговор не вмешивался.

– Не могу. – Привычка Вереса серьезно и обстоятельно отвечать на откровенно издевательские вопросы могла взбесить кого угодно. – Во-первых, это была не стихийно собравшаяся толпа, а стражники, действовавшие по приказу градоправителя, а значит, с ведома городского мага. А во-вторых, я не состою в Ковене.

– Почему? – опешила я. Каждый выпускник Школы Чародеев автоматически зачислялся в Ковен, то бишь гильдию Магов, в обмен на ее покровительство выплачивая ежегодные взносы. На самоучку Верес не походил, ученичка он натаскивал явно по школьной программе, да и сдача экзаменов экстерном вряд ли составила бы для него серьезную проблему.

– Отлучили, – просто ответил колдун, как будто признавался в очередной разбитой кружке, а не самом постыдном для любого мага наказании.

– За что? – Я припомнила, как столкнувшиеся в дверях корчмы Верес и городской маг не удостоили друг друга даже кивками, но тогда списала это на обычную неприязнь конкурентов.

– За всё хорошее.

Приплыли. Насколько я успела узнать, в таком духе Верес мог отбрехиваться бесконечно, с неизменно благодушным и внимательным видом, но абсолютно нулевым результатом. И всё равно не удержалась:

– А может, за паршивый характер?

– За это тоже, – спокойно подтвердил мужчина. Похоже, отлучение от Ковена его ничуть не огорчало. Вот только иногда создавало досадные, но вполне терпимые проблемы. Как эта, например. – Так ты нам поможешь?

– Чего тебе от меня надо?

– Проводи нас с Рестом хотя бы до Белой.

Я в раздумье потерела конскую гриву. Надо признать, дельная мысль. Искать нас будут скорее всего в Старой Балке или Красовицах, двух крупных селах примерно на равном расстоянии отсюда к северо – и юго-западу. Белая же – маленький поселок лесорубов на берегу реки, по которой в теплое время года сплавляли бревна. До нее подальше будет, часов семь быстрой ходьбы, и не дорогой, а путаными лесными тропками. Но это – летом, сейчас хорошо если за сутки доберемся. Вообще-то нам и в самом деле по дороге, я всё равно собиралась перебраться в Белорию, а обходить Ясневый Град удобнее всего с севера, как раз мимо Белой.

– И потом ты от меня отцепишься?

– Слово мага. До следующей встречи, разумеется, – тут же поправился Верес.

– Кто бы сомневался, – ощерилась я, неохотно вылезая из нагретого седла. Придержала Дымка под уздцы, выжидательно глядя на колдуна. Смутившийся мужчина начал было отнекиваться, но я только презрительно скривилась. Если уж нам придется подстраиваться к ско-

рости пешего человека, то пусть им буду я или мальчишка, а не спотыкающийся на каждом шагу колдун.

В итоге Вереса подсадили на коня, Рест сбегал за сумкой и взял Дымка под уздцы. Я пошла впереди, намечая дорогу.

Человеческих троп я не знала, но, безошибочно определив направление, уверенно углубилась в лес. Болото подмерзло, оврагов здесь почти нет, а непролазные чащобы уж как-нибудь по памяти обойду.

Специально я не прислушивалась, но и уши затыкать не стала. А шепот привлекает куда больше внимания, чем разговор в полный голос.

– Козе перебили хребет, Рест. Не думаю, что я смог бы ей помочь... даже в лучшие времена.

– Но она даже не дала попытаться! И ухмылялась перед этим, я видел!

«Жалельщики, мать вашу, – злобно подумала я, – в мясных рядах небось венков не возлагают, трескаете жаркое за обе щеки и спасибо говорите». Уйти, убежать вперед, чтобы не слышать, не видеть, поскорее выбросить из головы всё, что связывало меня с логовом... а они пусть уж как-нибудь сами. Добренькие.

Но не ушла. Потому что колдун резко ответил:

– Иногда лучшим подарком другу является смерть.

И Рест замолчал. Оставшись при своем мнении, конечно.

Мы успели пройти около версты, когда скрип снега за спиной резко оборвался. Верес, натянув поводья и полуобернувшись, не то присматривался, не то прислушивался.

– Что? – Я вернулась, мимоходом потрепав Дымка по унылой морде.

– Они уже обшаривают избушку. – Колдун сморгнул, протер глаза, словно вышел из темноты на свет. Слез с коня и задумчиво поглядел вверх. – Как ты считаешь, противник не обидится на нас за повторение его фокуса?

Я задрала голову, да так и осталась стоять с изумленно приоткрытым ртом.

В небе ткались облака. Сначала – паутинные, полупрозрачные клочья, сотнями отводков расползающиеся во все стороны, как стрелки льда по стеклу. Затем – бурлящие, разбухающие и темнеющие на глазах комья, словно в голубой омут небосвода капнули чернил. Последние солнечные окошки захлопнулись почти одновременно, и в ту же секунду вдогонку безжалостно отрезанным лучам хлынула снежная лавина. Не метель, не пурга – сплошная белая стена, на несколько секунд замуровавшая меня в сплошном звуконепроницаемом коконе, только многоголосый шелест-шепот снега со всех сторон. Щурясь, я вскинула руку к глазам, упрямо отказываясь их закрывать. Жутко – и безумно красиво – стоять наедине с чистой стихией, каждой частицей своего существа ощущая ее дикую, неукротимую мощь, для которой ты – всего лишь еще одна снежинка...

Интересно, это ли чувствуют маги, обращаясь к источникам своей силы?

Снегопад постепенно просветлел, разделился на отдельные хлопья, сквозь которые проступили черные стволы и серый бок невозмутимо встряхивающегося Дымка. Засмотревшись, я услышала лишь сдавленный возглас Реста, а обернувшись, застала Вереса уже ничком лежащим на земле. Капюшон свалился за плечи, отросшие за время болезни волосы черной кляксой разметались по снегу. Мальчишка поспешно перевернул учителя на спину, мне же и нагибаться не понадобилось, чтобы понять, в чем дело. Обморок. И глубокий какой, тут пощечинами не обойдешься, а нюхательных солей, уж извини, не припасла.

Маг, магистр первой степени... Тьфу! Отмахнувшись от бестолково суетящегося вокруг щенка, я забросила человека поперек седла, влезла сама. Мерин тревожно косился на подозрительно обвисшее тело, перебирал ногами, так что пришлось усадить Вереса перед собой, одной рукой придерживая его поперек живота, а во второй сжимая поводья.

Да, Дымок, это тебе не укатанная дорога и уж тем более не город с тщательно расчищенными улицами. Градоправитель за этим следил строго: либо с самого утра берись за лопату и разгребай ночные завалы напротив своего дома, либо готовь спину для трех-десяти плетей, в зависимости от высоты сугроба, в котором увязнет проходящий мимо стражник.

А тут еще и двое седоков на спине. Стараниями Вереса снегу намело столько, что конь оставлял в нем не следы, а сплошную борозду, по которой сзади брел Рест, с трудом удерживаясь от искушения придержаться за лошадиный хвост. Наколдованные облака и не подумали так же проворно растаять, вознамерившись высыпаться на землю до последней снежинки. Оно и к лучшему – собаки и волки способны чуют сквозь полуаршинный слой снега, я чуть уже, но за вурдалаков и прочую нежить не ручаюсь.

Колдун очнулся только через час. Порывисто трепыхнулся, чуть было не свалив на землю нас обоих, потом мало-помалу сообразил, где находится, расслабился, дрожащей рукой смахнул налипший на ресницы снег и хрипло поинтересовался:

– Много проехали?

– Версты три. Сам в седле держаться сможешь? Конь и так еле плетется.

– Д-да. – Мужчина, как в полусне, вяло нашарил поводья и, не выпуская их из рук, уцепился за переднюю луку седла. – У нас есть какая-нибудь еда?

– Чего? – опешила я. Понятно еще – вода, но чтобы едва пришедший в себя человек первым делом попросил есть... всё у этих колдунов не как у людей. – Ну... сейчас посмотрю в сумке.

Рискнув, я разжала руки и прыгнула на землю. Верес пошатнулся, склонился еще ниже, но усидел, а пока я разворачивала тряпицу с не оцененной стражниками выпечкой, сумел продеть ноги в стремяна. На пирожок он накинулся с такой жадностью, что, кажется, даже не заметил, с какой он начинкой.

– Слушай, – не выдержала я, – куда оно всё в тебе девается? Вот бы ты так колдовал, как трескаешь!

– Видишь ли, какое-то время мои возможности будут несколько... эээ... ограничены, – не переставая жевать, осторожно признался Верес.

– Что?!

– Я магически ускорил свой обмен веществ, соответственно, регенерацию, – пояснил колдун. – К сожалению, у этого заклинания есть один побочный эффект: оно оттягивает на себя мой магический резерв, позволяя распоряжаться всего лишь десятой его частью, сколько бы его ни было. Остальное приходится вырывать у собственного организма буквально с боем, черпая силы из обычно неприкосновенного запаса – ауры. Но я подумал – время есть, место спокойное, так что две-три недельки я вполне могу обойтись без магии; лучше уж немного потерпеть, чем еще пару месяцев проваляться в постели. Кто ж знал, что оно всё так обернется?

Нет, это какой-то кошмар! Кто из нас больший идиот-оборотень, предложивший помощь магу, или маг, так рьяно ею воспользовавшийся?!

– Время? Место?! Колдун, тебе мозги, а не кости лечить надо! Ты, между прочим, не в королевском дворце за пятью оградами отлеживался, а у оборотня в логове концы отдавал!

– Я это и имею в виду, – спокойно подтвердил Верес. – Если уж хуже быть не может, значит, можно смело надеяться на лучшее! Дай еще один пирожок, а?

– И долго ты еще собираешься рег... гер... так жрать?!

– Пока полностью не восстановлю все ткани. Кости и мышцы уже в порядке, осталось только...

– А ты не мог бы заняться этим попозже? – перебила я. – По-моему, двух первых тебе вполне хватит.

– Это необратимое заклинание, его так просто не отменишь, – чуть виновато признался колдун. И тут же снова вспетушился: – А что? Тебе для меня куска хлеба жалко?

– Боюсь, как бы ты ночью и меня не съел, – огрызнулась я, пряча остатки снеди в сумку. – Но ты же как-то взорвал той ведьме амулет, она аж в лице изменилась!

– Это лишь в очередной раз доказывает, что покупать подобные безделушки через третьи руки чревато, – усмехнулся Верес. – Я сам его делал. Небольшое встроенное заклинание – обычная предосторожность мага, не желающего, чтобы его творение обратили против него самого.

– Но это же был оберег от оборотня.

– В любом амулете содержится магическая сила, которую можно использовать по-разному. Эффективнее всего, конечно, так, как было задумано мастером. И если бы талисманы всегда так легко взрывались, мои коллеги не использовали бы их направо и налево. Слушай, как насчет еще од...

– Обойдешься. Поехали. И так много времени на болтовню потеряли.

* * *

Это был даже не шалашик – косой односторонний навес из занесенного снегом лапника, издавдала принятый мною за елку с обрубленной верхушкой. В центре неприглядного, но хоть какого-то убежища от непогоды чернело кострище, по бокам виднелись отпечатки лежачих со вмятинами в снег иголками. Видимо, ночевавшие здесь охотники на рассвете спалили свои еловые подстилки, столбом желтого дыма оповестив отбившихся от компании коллег (или только собиравшихся поутру к ней присоединиться) о своем местонахождении. Простых дров им хватало, возле кострища еще солидная куча осталась. Ну и отлично, свеженького лапника наломать не проблема, а вот хворост из-под снега поди wygrеби.

Измученный колдун уснул мгновенно, даже в одеяло толком закутаться не успел – скорчился под ним в три погибели, вздрагивая от холода, но не просыпаясь. Рест вскоре последовал его примеру, а я осталась сидеть, тупо уставившись на мерцающие угли.

Слева и впереди плакали-заливались волки. Поджарый серебристый вожак уже подбегал к навесу, постоял в пяти саженях, приюхиваясь, потом решил, что места в лесу хватит всем, и вернулся к стае. Зараза, с волками и то проще договориться... Я сглотнула царапающий в горле комок. Звери тоже не чужды хандре, но поводов для нее меньше. Они не станут вспоминать и сожалеть о какой-то глупой козе... и куда теперь будет приходиться за молоком кошка?

Я решительно встала. Покосилась на колдуна, сняла кожаную, накинула поверх одеяла, старательно подоткнула с обеих сторон. Не надейся, ничуть меня твое драгоценное здоровье не волнует! Просто нагретого кожанка жалко. А так вернусь и надену тепленький.

Верес блаженно вздохнул во сне, чуть развернулся. Запахнула ему под бок еще и рубаха со штанами. Ну, хоть трястись перестал. А потом плотно сжатые губы дрогнули, с нежным шепотом вовлекая в улыбку разом просветлевшее, доверчиво разгладившееся лицо:

– Тайринн...

Как будто солнечный луч по нему скользнул – и тут же исчез, сменившись еще более плотной тенью.

Леший знает что. Аж завидно.

Я выпрямилась и шагнула на снег. В лесу было тихо, недобро. Как ни странно это звучит, я не любила полнолуние. Особенно такое, пасмурное, с затерявшейся в облаках луной.

Вроде бы и нет его, но давит, отупляет, не дает уснуть. Маешься, не зная чем заняться.

Решительно встряхнувшись, я потрусила вперед, больше по привычке обнюхивая снег. Это успокаивало, отвлекало от человеческих мыслей. По-настоящему увлекшись заячьим следом, я даже не заметила, как отбежала довольно далеко... и как разом умолкли волки. А когда подняла глаза – среди деревьев неподвижно стояла моя смерть. Мерцала красными вурдалачьими зенками, закипая ликующим ревом.

А я так устала...

Глава 5

- Десять.
- Рыцарь.
- Дайн.
- Маг.
- Эээ... отбой. Тебе сдать?
- Нет, хватает. Ну-с, моя очередь! Ща я тебя! Семь!
- Рыцарь!
- Ааааааа!!! – Вопль проснувшегося Реста наверняка распугал всех гарпий в округе.

Разбуженный Верес неторопливо сел, кутаясь в одеяло. Потер заспанное лицо.

– Вы, двое, не могли бы принять нормальный вид? До Белой не так уж далеко, и вряд ли оборотень, играющий в карты с драконом, благотворно повлияет на душевное здоровье случайного прохожего.

- Мне холодно без шерсти.
- Не будь занудой, Верес. Думаешь, мы не учуем его первыми? Семь!
- Козырь! – Колдун огляделся.
- В дурака режетесь, а костер, между прочим, давно потух! На что играете-то?
- На печень, разумеется. – Я мстительно прищепнула семерку девяткой. – Отбой?
- Против шкуры, – уточнил дракон, скептически разглядывая карточный веер. – Эх, гулять так гулять! Козырной рыцарь!

Я приуныла. Козырного мага было жалко, нагружаться мелочью в конце игры тоже не хотелось.

- Ну и как? – поинтересовался Верес, наклоняясь и беззастенчиво заглядывая в мои карты. – Кому пока везет?
- Хвост уже мой, – осклабился дракон.
- Придется вернуть. У нее сильный расклад. Шкура-то тебе зачем?
- Просто так, чтобы ставки уравнивать.
- А для чего ей печень? – шепотом поинтересовался Рест, выгребая из снега остатки дров и складывая их шалашиком на пепелище.

– Если оборотень съест драконью печень, он сможет менять ипостась почти мгновенно и безо всяких усилий, – наставническим тоном объяснил Верес.

- И что, дракон отдаст ее, если проиграет?
- Сомневаюсь, – пожал плечами колдун, – но, по крайней мере, будет должен. Кстати, рад тебя видеть, Мрак!
- Взаимно. – Ящер приветственно махнул хвостом, не отрываясь от карт.

Рест окончательно растерялся.

- Мастер, так это и есть тот самый дракон, которого вы пообещали Шелене? Ой...

Мальчишка прикусил язык, запоздало сообразив, что предмет нашей с Вересом сделки может ее не одобрить. Но подлый колдун только перемигнулся с драконом и без тени смущения уточнил:

- Еще неизвестно, кому кого пообещали. Думаешь, она первый оборотень, жаждущий его ливера?

– Ничего не имею против, – подтвердил дракон, – всё честно. Верес сводит, мы сражаемся, одной шкурой больше.

– Я не помогаю ни оборотню, ни дракону, но, поскольку Мрак мой друг, перед битвой честно предупреждаю, что в случае чего буду мстить, – добавил колдун.

- Партнеры, что б вас, – усмехнулась я, открывая карты. – О хвосте пока можешь забыть!

Дракон без особого огорчения (второй час уже играем, всё с тем же результатом) бросил свой веер в отбой и потянулся всем телом, как кот, – только не задрав хвост, а копьём выставив его назад. Пламя, подчиняясь ветренному взмаху крыльев, метнулось в сторону и прижалось к земле.

– Мрак, как ты здесь оказался? – Верес, поевшись подтянул колени к подбородку и поплотнее закутался в одеяла.

– Я второй месяц тебя ищу. Весь город облазил, условный знак на пустоши оставил, – дракон метко плюнул в костер, шалашик окутался высоким пламенем. – Люди в один голос уверяли, что ты мертв, но уж я-то почуял бы это первым. Вот и не уходил далеко, снял в Выселке комнатуху, а по ночам кружил над окрестностями. Днем не рисковал: странные эти люди какие-то, сначала сами без разбору из арбалетов палят, а потом магам жалуются, что не все разбежаться успели...

– Зачем? – перебил Верес.

Дракон двинул нижней челюстью, как если бы человек смущенно прикусил губу.

– Делирна умерла.

Колдун помрачнел, словно ему сообщили о смерти хорошего, пусть и не очень близкого знакомого.

– Да пребудет ее душа в кронах Священной Роши... Как это произошло? Когда?

Я медленно, по одной подбирала разбросанные карты, аккуратно складывая кромочка к кромочке. Ну и что тут такого? Все мы смертны, даже Мать-дриада, Правительница Ясного Града. Вот только казалось мне, что она смертна немножко меньше...

– Получается, через три дня после твоего исчезновения, – вздохнул дракон, пыхнув то ли дымом, то ли простым воздухом, обратившись в пар на морозе. – А вот с «как» небольшая проблема. Собственно, для того ты им и понадобился. Делирна, прямо сказать, уже давно воспринимала слова «старая карга» как изысканный комплимент, но о том свете пока что и не помышляла. Дриады уверены, что ее убили.

– Прошло слишком много времени... – Колдун с сомнением качнул головой. – Магия вряд ли поможет отыскать какие-нибудь улики. А я на тот момент и сам мало отличался от трупа, если они об этом.

– Нет, что ты. Конечно, выманить и убить дриаду легче всего удалось бы знакомому магу, от которого она не ожидала подвоха, но с тем же успехом можно и меня подозревать. К тому же тебя просила найти сама Делирна.

Я украдкой любовалась озадаченно вытянувшейся физиономией Вереса.

– То есть?

– Накануне она подозвала одну из помощниц и сказала: «Если со мной что-нибудь случится, позовите Sholah We-ras-sa. У нас будет о чем побеседовать». Та, разумеется, обеспокоилась, начала расспрашивать, но Делирна только усмехнулась и объяснила странную просьбу «всего лишь предчувствием».

Я с грехом пополам понимала дриадский, среди древних языков он ближе всех ко Всеобщему. «Шелест вереска». Интересно, за что дриады дали Вересу это прозвище? Каждое растение для них что-то символизирует: дуб – верность, береза – боль, ромашка – знание, дикая гвоздика – кровь, вереск... вереск... ведь вроде бы слышала краем уха... ага.

Могильный курган. Вероятно, это пошло еще от вересковых пустошей, излюбленного места встреч вражеских армий. Там же их двумя кучками и хоронили; если приглядеться – на любой более-менее пригодной для сражений равнине найдется по парочке поросших вереском холмиков. Так что пусть старшие расы не врут, что все проблемы начались с приходом людей.

Интересно, за что они его так окрестили? Да и Верес, наверное, не настоящее имя, а калька с дриадского.

– С того вечера Делирну больше не видели, – продолжал дракон. – Предполагают, что она тайно покинула пределы Града – скорее всего, с помощью магии, ибо никто из караульных ее не заметил. Впрочем, она и раньше частенько так поступала – вспомни хотя бы прошлогодний случай, когда старая интриганка... ой, то есть усопшая, мир ее праху!... из ниоткуда свалилась прямо посреди стола на закрытом заседании Совета Ковена Магов и с ходу задала всем перцу! Никто понятия не имеет, куда ее на сей раз понесло, но через три дня ее дерево рухнуло, и дриады объявили официальный недельный траур, по истечении которого выбрали новую правительницу.

Рест, вспомнив о своих кухарских обязанностях, расстелил у костра полотенце и под одобрительным взглядом Вереса начал выкладывать на него провизию, неровно пластая туповатым ножом хлеб и копченую грудинку.

– Сколько бутербродов делать? – поинтересовался он, нарушив минуту не то молчания, не то раздумий.

– Мне не надо, – с ходу отказался дракон.

– Мы уже перекусили, – пояснила я, выскребая из снега и небрежно раскручивая на когте широкий ошейник с шипами. – Подвернулся тут один...

– Ничто так не сближает, как совместная трапеза, – ухмыльнулся Мрак.

Мальчишка явственно позеленел, глядя на грудинку уже далеко не с прежним аппетитом.

– Дай посмотреть, – протянул руку Верес. – Вот зараза! – Я полностью разделяла его мнение. Спереди на ошейнике болталась ромбовидная бляха с цифрой «5».

– Выходит, по округе вполне могут бродить еще три такие твари. – Колдун внимательно изучил ошейник, но, не обнаружив больше никаких меток, бросил его в костер. Пламя недовольно зашипело, словно на него плеснули водой.

– Четыре, – машинально поправила я. Верес улыбнулся краешками губ:

– На предыдущем не было ни номера, ни шипов.

– Значит, этого стали выпускать на охоту уже после моего появления в Выселке, – с легким злорадством заключила я.

– Вернее, после того, как они тебя обнаружили, – поправил колдун. – То есть чуть больше пары месяцев назад. Что ж, будем надеяться, у него не слишком много младших братиков.

– И сестричек, – ехидно добавил дракон, покосившись на меня. Я фыркнула, но, увлеченная беседой с колдуном, отложила ответную шпильку на потом.

– Не может быть, за последние три года без моего ведома ни один новый волк в лесу не появился, не говоря уж о нежити! Когда это случилось?

– Недавно, в конце лета. И я убил его не в лесу. В городе, возле самой площади.

– Но откуда-то же он там взялся!

– Вариантов много. Порталы, прорыв Ведьминого Круга... да обычные погребя. Та трехпалая тварь тоже не соизволила поставить тебя в известность о своем прибытии, пока не свалилась как снег на голову.

– А в Выселке есть Круг? – опешила я. – Где?

– Шел, ты веришь в богов? – лукаво прищурился Верес.

– Только в мракобесов. Они как-то чаще о себе напоминают, – проворчала я, сердито скребя за ухом задней лапой. Про Ведьмины же Круги я знала лишь то, что в них лучше не соваться. Вроде как некроманты там свои обряды проводят, и место навечно остается проклятым... или, наоборот, потому-то они туда так и стремятся. Но чтобы такая дрянь – и в городе?!

– Ну и зря. Если бы ты почаще ходила в храм, то заметила бы, какая там на полу мозайка. Эти шестиугольные плиты остались еще от древнего капища, а по углам выложенного из них многогранника видны гнезда для кристаллов – правда, замазанные белой глиной. Но она давно растрескалась, и, думаю, выковырять ее не составит особого труда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.